

Тианна Ридак

трилогия

**КОЛЛЕКЦИОНЕР
БАБОЧЕК**

в живописи

роман об эстетических
удовольствиях

18+

Тианна Ридак

Коллекционер бабочек в животе (трилогия)

<https://litres.ru/73901726>

SelfPub; 2026

Аннотация

Итальянский художник и фотограф Ренато Рицци прилетел в Россию в поисках своих русских корней и остался. Знакомство с Нелли – владелицей ресторана, открывает для него новый мир. Она коллекционирует настоящих бабочек — редких, хрупких, с уникальными узорами. К каждой женщине, которая становится музой Ренато, Нелли подбирает свою бабочку. Сравнивает внешность, характер, пристрастия до мельчайших деталей. Так Ренато учится видеть в каждой женщине целый мир. У него получаются уникальные картины и фотографии.

Десять лет спустя его жизнь – это эстетическое удовольствие. Он коллекционирует состояния. Мгновения, когда жизнь становится осязаемой, когда воздух плотнеет от красоты...

Но рано или поздно всё заканчивается, и даже самая прекрасная коллекция требует пересмотра.

Что происходит, когда коллекционер бабочек обнаруживает себя внутри чужой коллекции? Когда любовь оказывается клеткой?

Этот роман об эстетических удовольствиях для тех, у кого бабочки в животе – единственный настоящий компас.

Содержание

Часть первая	7
Глава 1. Лина. Одна из нимфалид	8
Глава 2. Нелли. <i>Greta Oto</i>	19
Глава 3. Лина. <i>Nymphalis antiopa</i>	38
Глава 4. Альбина. <i>Cethosia biblis</i>	57
Глава 5. <i>Idea Leuconoe</i> . Вита	98
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Тианна Ридак

Коллекционер бабочек в животе (трилогия)

Уважаемый читатель!

Прежде чем вы откроете первую страницу, позвольте несколько слов об атмосфере этой книги.

Мир, в который вы погружаетесь, обладает своей чувственной фактурой: вкусами, ароматами, ритуалами. В нём вы можете встретить описания курения и употребления алкогольных напитков. Эти сцены не являются самоцелью – они служат созданию настроения, являются штрихом к портрету персонажа или деталью эпохи, и вплетены в ткань повествования как часть его эстетики.

Герои могут смаковать вино в философской беседе или закурить в момент глубокой рефлексии. Автор подходит к этим описаниям именно как к художественному приёму, не пропагандируя и не романтизируя сами привычки, но признавая их как органичный элемент изображаемой реальности и человеческой психологии.

Данное произведение рассчитано на вдумчивого читателя, способного к критическому восприятию и отличающего художественную условность от жизненной рекомендации.

Я верю в вашу осознанность и эстетическое чутьё.

Благодарю за понимание и желаю вам глубокого погружения в историю.

С уважением, Тианна Ридак

Часть первая

*Ты прав. Одним воздушным очертаньем, я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем – лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась? Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась и вот – дышу.
Надолго ли, без цели, без усилья, дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья и улечу.
А. Фет «Бабочка»*

Глава 1. Лина. Одна из нимфалид

- Опять проблемы с электричеством. Diavolo! Я плачу очумительные деньги за аренду, а живу как в прошлом веке... без света, – голос Ренато звучал приглушённо, почти ласково даже в раздражении.

- Ренатик, ну что ты завёлся? – Лина, почти неслышно, подошла сзади и поцеловала его в плечо. – Сейчас всё восстановят, не ругайся. И где ты только эти слова смешные находишь? Иди ко мне лучше, очумительный ты мой, – она говорила так, будто гладила его по голове – мягко, чуть насмешливо, с той теплотой, от которой он всегда таял. – В полутьме твой голос звучит ещё слаще, – добавила она, прикрывая глаза. – Скажи мне что-нибудь...

- Лина... Лина, подожди, что ты делаешь? Oh Madonna!

Её пальцы уже скользили по его груди, спускаясь ниже, туда, где кожа становилась горячее. Лина знала каждую его чувствительную точку, каждую ложбинку между мышцами, каждую родинку. За две недели она выучила тело Ренато как карту: со всеми холмами и низинами, с теми местами, где стоило задержаться подольше.

- Делюсь с тобой своими бабочками, – прошептала она ему прямо в губы, почти не касаясь, когда Ренато повернулся к ней лицом. – У меня их знаешь сколько в животе рождается сразу, когда ты шепчешь моё имя, – её руки двигались

медленно, с той сладостной неспешностью, от которой у Ренато перехватывало дыхание. Она наблюдала за его лицом – за тем, как менялось выражение, как темнели глаза, как открывались губы.

- Стой... Остановись, – выдохнул он, хватая её за запястья, слегка замирая, но не отталкивая. – Я после твоих голодных бабочек как цветок без пыльцы и нектара. Или как это будет правильно по-русски?

Лина улыбнулась. В темноте её улыбка была почти невидима, но Ренато её чувствовал, как и тепло её губ, как и лёгкое касание языка.

- А если вот так? – девушка резко распахнула полы длинного шёлкового халата. Свет от уличного фонаря упал на её грудь – небольшую, но с идеальной округлостью, с сосками, затвердевшими как маленькие пуговицы. Кожа её была ещё золотистой после солярия, с едва заметной дорожкой загара там, где купальник оставлял полосу. Ренато смотрел не моргая.

- *Pazza (с итал. – Сумасшедшая!)*, – прошептал он и подхватил её на руки одним движением. Лина даже не успела охнуть, но инстинктивно обвила его шею руками, прижимаясь всем телом, чувствуя, как бьётся его сердце где-то у неё под рёбрами.

Ренато опустил её на кровать медленно, почти нежно, но в ту же секунду его руки стали жёстче: скользнули под халат, сдвинули его с плеч, оголили до конца грудь, живот, бёдра...

Лина выгнулась, подставляясь под его ладони, и Ренато накрыл её собой, точно победитель, достигший вожаделенной цели. Вот только это была не битва, скорее – танец двух тел, где каждый знал своё движение наперёд.

Он целовал её шею там, где пульс бился чаще всего. Она запрокинула голову, позволяя ему углубить поцелуй. Плохо заправленная шёлковая простыня начала сбиваться под ними, подушка упала на пол, но им было не до этого...

За этой «бабочкой» Ренато пришлось поохотиться дольше обычного. Он расставлял свои сети аккуратно, с той итальянской галантностью, от которой женщины теряют голову. Приглашал на кофе, потом на ужин, потом просто «посмотреть новый свет в студии». Лина сопротивлялась дольше других, но не потому что не хотела, а потому что чувствовала: с этим мужчиной можно пропасть, исчезнуть. Во взгляде Ренато можно было раствориться настолько, что потом не соберёшь себя обратно.

Она согласилась на фотосессию для его весенней выставки только тогда, когда Ренато сбавил обороты и почти исчез из её поля зрения. И это сработало. Она сама написала ему первой.

В основном женщины сами хотели попасть в объектив Ренато Рицци или на его холсты, и дело было не только в славе. У него был свой подход к каждой: он умел видеть только лучшие черты, выделять самые привлекательные части тела. В каждом взгляде и жесте он передавал характер и настрое-

ние, находя нужную позу и подходящую игру света. Во время работы он позволял себе любые приёмы, естественно не выходящие за рамки галантности. Но самым чудодейственным из них оставалось предложить рюмочку коньяка или бокал вина – для настроения. Это всегда приносило ошеломляющие результаты благодаря появляющемуся живому блеску в глазах.

Этому приёму Ренато научила его давняя подруга Нелли, владелица ресторана итальянской кухни. На момент их знакомства ей было около сорока, ему – двадцать пять. Эта встреча стала судьбоносной для молодого человека, тогда ещё никому не известного в России итальянского фотографа и художника Ренато Рицци. Когда-то он всерьёз заинтересовался своими русскими корнями по линии матери и решил, что пришло время навестить родину предков. Его прабабушка, будучи совсем юной, эмигрировала во время Октябрьской революции – сначала в Румынию, а оттуда в Италию, в маленький городок Альберобелло на юге страны. Там она познакомилась с будущим мужем, и после венчания молодая семья переехала в Урбино – знаменитый город в центральной Италии. Сам Ренато ужасно гордился тем, что родился именно в Урбино, как и выдающийся художник эпохи Возрождения Рафаэль Санти.

- Эй, Ренатик, ты куда улетел? – прошептала Лина ему на ухо, чувствуя, как его тело стало чуть тяжелее, а дыхание замедлилось. — Опять к своей Мадонне, мой Рафаэль? – её

пальцы пробежали по его спине – там, где лопатки сходились к позвоночнику, образуя ложбинку, которую она особенно любила.

- Кажется, свет включили, – ответил он невпопад. – И перестань меня называть Ренатиком. Я Ренато. Договорились?

- Хорошо, не буду, – в голосе Лины прозвучала обида, которую она не могла скрыть, как ни старалась.

Ренато аккуратно накрыл её лёгким шерстяным покрывалом с бахромой и встал, чтобы пойти в душ. Его тело ещё хранило тепло их близости, но взгляд уже ушёл куда-то внутрь.

Лина повернулась на бок и проводила Ренато взглядом. Её кожа ещё помнила его руки, сердце всё ещё трепетало. Она хотела продолжения, ждала, зная, что Ренато чувствует её желание, её незакрытость, её готовность отдаться снова и снова. Но у него были иные планы на этот вечер. Она это понимала, потому что уже изучила его ритмы: дни, когда он мог оставаться с ней до утра, говорил по-итальянски в темноте, водил пальцем по её позвоночнику, рассказывая про Урбино и старых мастеров; и дни, когда после близости он вставал, будто закрывал книгу, не дочитав главу.

Лина так же знала, что фотосессия закончена, фотовыставка начнётся со дня на день, и её снимки заняли там центральное место. Она получилась ярче и сочнее по деталям, чем можно было ожидать. Лина вообще была создана для объективов фотокамер: она умела обнажить весь свой внут-

ренный космос, даже если была в наглухо застёгнутом пальто. Последние две недели она была музой Ренато, и нехотя влилась в его игру, стала зависимой. Этого не следовало допускать и она знала это с самого начала. Ренато, конечно, не расстанется с ней, пока идёт выставка. Но потом... О том, что будет потом, думать не хотелось. Лина приподнялась, опираясь на локти, и посмотрела на полуоткрытую дверь ванной. Сквозь щель пробивался пар, пахло мятным гелем и горячей водой. Через несколько минут Ренато вышел, обернутый огромным банным полотенцем вокруг бёдер. Его волосы, мокрые и ещё более выющиеся, чем обычно, падали на лоб. Кожа после душа стала гладкой и чуть более тёмной. Ренато уже не выглядел как человек, который только что держал её за бёдра и шептал что-то по-итальянски в самую глубину. Он был неприступный, собранный, почти холодный.

Кареглазый шатен ростом чуть выше среднего, с выющимися волосами – Ренато полностью оправдывал свою фамилию Рицци, которая в переводе с итальянского означала «кудрявый». Прямой нос, чуть тонкие губы с очень чётким контуром говорили о характере охотника, но сейчас в этом охотнике не было азарта – только спокойствие.

Лина успела набросить халат на голое тело и уже сидела в гостиной, в уютном большом кресле, поджав под себя ноги. Она поправляла макияж, смотрясь в маленькое зеркальце пудреницы. Рядом в пепельнице дымилась сигарета – её

тонкий, чуть сладковатый дым тянулся вверх, смешиваясь с остатками парфюма Ренато, который всё ещё витал в воздухе. Он подошёл, сделал одну глубокую затяжку, потушил сигарету и, оголив плечо Лины, поцеловал его так легко, что она ощутила не столько прикосновение губ, сколько тепло дыхания.

- Ты была великолепна, как всегда, – сказал Ренато. – Мне пора на встречу, прости. Можешь остаться, но я не знаю, когда вернусь.

- Я тоже спешу, – ответила Лина слишком быстро. Ей стоило огромных усилий не спросить, с кем он встречается, ведь она имела на это право и от этого внутри всё кипело.

Лина не питала иллюзий по поводу долгосрочных отношений со знаменитым фотографом. Она была умной женщиной, но каждая женщина, повстречав такого мужчину – привлекательного, талантливого, успешного – хотя бы на мгновение представляет его в качестве мужа. А Ренато был настолько хорош, что его хотели все, и не только внешне. Внутренне он был ещё притягательнее: его разговоры об искусстве, его отношение к красоте как к священному дару, его умение слушать и слышать. Он был разборчив в связях, предпочитал натуральную красоту и живой многогранный женский внутренний мир. «Без этого, – говорил Ренато, – все женщины на фотографиях и картинах выглядят пустыми куклами».

Лина встала, подошла к приоткрытой двери спальни и за-

глянула в щель. Она даже затаила дыхание, чтобы не нарушить момент. Ренато стоял перед огромным зеркалом в полный рост, уже надев тёмно-синие джинсы, и держал в руках белоснежную рубашку с длинными рукавами. Верхний свет падал на его смуглую кожу, превращая её в соблазнительный карамельный оттенок. Лина не могла оторвать взгляд от того, как он трепетно застёгивает пуговицы на манжетах, поправляет воротничок, как его пальцы, которые только недавно ласкали её, движутся с той же сосредоточенной нежностью.

Ренато надел свой любимый медальон с изображением евангелиста Луки – покровителя врачей и художников. Металл блеснул на свету, на секунду ослепив Лину. Потом он взял с туалетного столика флакон парфюма – тяжёлый, с матовым стеклом – и брызнул на запястья, и на шею. Аромат цитрусовых, смешанный с древесными нотами и лёгкой горчинкой кожи, разлился по комнате, долетел до неё, и Лина вдохнула его как кислород после долгого пребывания в душном помещении. У неё слегка закружилась голова. Если бы Ренато остался у зеркала ещё на полчаса, она бы с удовольствием стояла так, облокотившись о дверной косяк, и смотрела на это священнодействие. В этом был весь Ренато – когда одевался, когда стоял у холста с кистью, когда держал фотоаппарат, когда занимался сексом. Он всегда был и продолжал оставаться эстетом во всём, без исключения.

Лина прикрыла глаза, почувствовав новую волну возбуждения внизу живота. Ей захотелось войти в спальню, закрыть

за собой дверь на ключ и спрятать этот ключ куда-нибудь подальше, а лучше бы выбросить в окно. Пусть бы Ренато сначала начал ругаться громко на итальянском, но по итогу бы сдался... возможно, глядя на её возбуждение.

Зеркала в спальне были развешаны умело, под разными углами, так что из любой точки можно было увидеть себя. Лина привыкла к ним, особенно к тому, что висело на потолке. Поначалу оно дико её смущало, мешало расслабиться, но потом стало заводить. Она специально поворачивалась, чтобы видеть не только свою фигуру, но и мускулистую спину Ренато, его бёдра, его руки, обхватывающие её талию. Как он пылок в движениях, когда держит её и хочет войти всё глубже. Как напор сменяется нежностью, и ласки начинаются заново. Как он, достигнув пика, целует её спину: медленно, вдоль позвоночника, от поясницы к шее, и от этого заводит их обоих вновь. В такие моменты ей казалось, что он любит её искренне, от всей души, страстно, самозабвенно, как никогда и никого до их встречи.

- Я тебе не мешаю? Можно пройти?

Голос раздался прямо над ухом, Лина вздрогнула, но успела скрыть испуг. Ренато стоял в двух шагах, уже полностью одетый, с лёгкой усмешкой в углах губ. – Расскажешь потом, о ком мечтала?

- Подробный отчёт о каждой бабочке в животе? – ответила она, мгновенно возвращая себе самообладание.

- Да-да. Запиши на диктофон, я послушаю на ночь твои

фантазии.

- Зачем же, – Лина начала развязывать пояс халата, глядя ему прямо в глаза. – Я могу тебе их сейчас в спальне показать, мой милый, – она продолжала тянуть за конец шёлкового пояса, и узел неожиданно легко развязался сам. Полы халата раскрылись, обнажая тело, но Лина не отвела взгляда.

На несколько секунд в комнате установилась тишина, плотная и звенящая, как струна перед тем, как лопнуть. Они стояли друг напротив друга. Ренато смотрел на неё: на её грудь, на живот, на бёдра, на то, как свет ласкает её кожу. Лина видела, как его глаза темнеют, как желваки играют на скулах. Потом он опустил взгляд, вздохнул, провёл рукой по своим выющим волосам. Это был жест, который она уже выучила как признак внутренней борьбы. Затем развернулся и ушёл, не сказав ни слова.

Лина опустилась на пол, прямо у дверного косяка, и обхватила колени руками. Халат так и остался распахнутым, но ей было всё равно.

«Ну и поделом ему, – подумала она, чувствуя, как к горлу подступает обида. – Пусть. Может, поймёт, что мы созданы друг для друга и лучшей музы или как он там называет своих бабочек – нимфалиды – ему не найти».

Она услышала, как захлопнулась входная дверь. Защёлки заклинили замки. Ренато ушёл и запер её одну в квартире. Лина сидела на полу, прижимая колени к груди, и смотрела на закрытую дверь. Холодный паркет остывал под её бёдрами, но

она не двигалась. Внутри неё всё ещё кружились бабочки, которые она обещала ему показать, но выпускать их теперь было некому.

Лина знала, что он ревнив. Редко можно встретить итальянца, которому незнакомо это чувство, и Ренато не был исключением. В его пылком воображении она уже успела отдаться первому встречному, на холодных ступенях подъезда, в позе наездницы, запрокинув голову и сладко постанывая. Он не сказал ей этого, но Лина знала. Она видела эту тень в его глазах каждый раз, когда он уходил, оставляя её одну.

«Но я же не такая», – прошептала она в пустоту. Ей никто не ответил. Только бабочки в животе продолжали свой безмолвный танец, медленно затихая, как угли, которые никто не раздувает.

Глава 2. Нелли. Greta Oto

В половине восьмого вечера Ренато подъехал к уютному итальянскому ресторану с пряным названием «Sofrito». Именно так именуется овощная основа огромного количества блюд итальянской кухни, и включает в себя три неизменных ингредиента – это мелко порубленные кубиками: лук, морковь и сельдерей.

На парковке едва нашлось место, и это несмотря на середину недели, снег с дождём и холодный, пронизывающий насквозь ветер. Зима никак не желала сдавать свои права в этом году, а весна ещё не успела набрать силу, чтобы противостоять, и занять положенное по календарю место. Ренато, нащупав на заднем сидении шарф, наспех обмотал его вокруг шеи и, запахнув полы короткой дублёнки, выскочил из машины.

Нелли, владелица ресторана, ждала его у себя в кабинете, прекрасно зная, что итальянцы – народ непунктуальный, и её дорогой друг может опоздать не менее чем на полчаса. С Ренато они познакомились на открытие, после капитального ремонта, этого самого ресторана, ровно десять лет назад. Он был приглашён в качестве фотографа, работая в то время в небольшой медиастудии. Знание русского языка помогло ему без труда найти работу в чужой стране. К тому моменту Ренато уже три месяца как жил в России, и с любопытством

изучал её особенности и национальный колорит. Этот уютный городок, недалеко от столицы, ему понравился больше, чем Москва. Её ему пришлось посетить намного раньше, когда Ренато всерьёз захотел изучать историю рода Рицци, и в частности свои русские корни. На тот момент ему едва исполнилось девятнадцать и он поступил в Урбинскую академию изящных искусств на степень бакалавра по дисциплине «Рисование». Кроме этого, параллельно с посещением курсов по фотографии, Ренато начал изучение русского языка онлайн. Вот только молодому человеку хотелось общаться и с кем-то из его носителей, и обязательно живую. А кто для итальянца, как не женщина, сможет по-настоящему объяснить все мелочи и тонкости употребления слов и выражений. Искать такую женщину, а точнее девушку, Ренато долго не пришлось, в Урбино открыто сразу несколько популярных в Италии языковых школ. Благодаря этому город полон молодых людей, в том числе и из-за границы, а где молодежь, там и шумные вечеринки, и беспрепятственные знакомства. Да и Урбино, в отличие от многих других небольших городов страны, нельзя назвать тихим местом. Ренато с лёгкостью познакомился с девушкой из Москвы, приехавшей на летние курсы по изучению итальянского. Не обошлось и без продолжительной интимной близости, которую он, спустя уже столько лет, мог вспомнить подетально со всеми мельчайшими подробностями. Это был его первый сексуальный опыт, чего нельзя было сказать о девушке, но Ренато был этому

несказанно рад. Она открыла ему мир воплощения юношеских фантазий и наивысшего экстаза. К тому же изучение русского проходило и давалось с лёгкостью, и к её отъезду в Москву, он уже мог сносно изъясняться, пусть и короткими фразами. Через какое-то время, молодой человек решил сделать девушке сюрприз и прилетел в Москву, но оказалось, что у неё там уже есть парень. Возможно он существовал и до знакомства с Ренато, но выяснять подробности он не стал, да и цель изначально была совсем иная. Желание изучать русский язык не пропало, а только усилилось, и по возвращении на родину, юноша занялся этим вплотную. Следующий его приезд в Россию был уже в качестве дипломированного художника и профессионального фотографа.

Сегодня Нелли была обворожительна, как и десять лет назад, и пребывала в прекрасном настроении. Ренато галантно, упустив возраст дамы, напомнил ей об их первой встречи.

- Ты был тогда так хорош, что я готова была тебя усыновить,- сказала ему улыбаясь Нелли. – Но ты смотрел на меня с таким нескрываемым вождением, что заставил краснеть перед мужем...

- Я и сейчас неплох, – прервал её Ренато. – *Sai che il mio cuore batte solo per te (итал. Ты знаешь, что мое сердце бьется только для тебя)*, - добавил он, зная, что женщина понимает и обожает, когда он переходит на итальянский.

- Ой, паршивец! Так бы и поверила тебе, если бы не возраст! Да-да, не смотри на меня таким взглядом, я не стесня-

уюсь того, что мне скоро пятьдесят. Ладно, я не за этим тебя сюда позвала, Ренато... Как твоя выставка, всё готово?

- Ну-у, в общем да!

- Я совсем замоталась тут,- она сделала несколько круговых движений пальцем в воздухе. – Ресторанный бизнес – это всегда хлопотно, здесь надо жить, иначе разорят и растащат всё к чёртовой матери! Никому нельзя доверять, особенно, если дело касается качества продуктов... Так, стоп, а чего ж мы сидим?! Пойдём, я тебя покормлю, радость моя, заодно и поговорим!

- Я с удовольствием, – расплылся в улыбке Ренато. – Потом у меня есть для тебя сюрприз...

Нелли развела руки в стороны.

- Нет-нет, не с собой! Его должны подвезти чуть позже,- он посмотрел на наручные часы. – Минут через двадцать, а пока, если ты не против, я могу поговорить с Бартоломео? Всего два слова? Надеюсь он всё ещё шеф-повар?!

- Ну конечно, господи ты боже мой, конечно он тут! Куда я без Бартоши своего, он единственный, кому я ещё могу доверять... Иди! Я подожду тебя в зале, за нашим любимым столиком... Иди, дорогой.

Ренато вернулся в зал, спустя минут десять, довольный и даже слегка возбуждённый, от переполнявших его эмоций. С Бартоломео он успел сдружиться с самого первого появления того в ресторане, около шести лет назад. Нелли устроила полноценный кастинг на должность нового шеф-повара,

так как предыдущий отчаянно влюбился и начал всё пересаливать до такой степени, что умудрялся испортить даже десерты. Ренато был приглашен в качестве дегустатора блюд, как изысканный гурман и знаток итальянской кухни. Добряк Бартоша, как называла его Нелли, весил под сто килограмм при росте не более ста шестидесяти сантиметров, но это не мешало ему в работе. Живчик, этакий Дени де Вито, только волосы как у чёрного пуделя – сплошь мелкие кудри. Бартоломео, хоть и не знал русский, на тот момент, зато готовил от души. С тех пор он всегда старался угодить при случае Ренато, вот и сегодня с большим удовольствием согласился выполнить его индивидуальный заказ.

- Ну что, можем мы наконец спокойно поболтать и поесть? – спросила Нелли, когда её любимый друг присел за стол. – Сегодня у нас наисвежайшие мясо ягнёнка прямиком из Амбруццо или может морепродукты? Осьминог, а? С картошечкой? У меня уже самой слюнки потекли!

- И мясо и рыба, ты расширила меню?

- Да, захотелось разнообразия, теперь тут итальянско-русский ресторан! Знаю, знаю, что в Италии не принято, чтобы в одном ресторане, в меню, были сразу и мясо и рыба, но... Не открывать же мне ради этого ещё одно заведение рядом?!

- Согласен! Тогда я буду мясо.

- Мясо так мясо! Уверена, ты попросишь добавки в любом случае, потому что шашлык на шпажках – это шедевр от Бартоломео... А я всё-таки поем осьминога с картофе-

лем и дам тебе попробовать, хочу услышать твою экспертную оценку!... Вино на мой вкус, согласен?

- У тебя прекрасный вкус, Нелли – выбор за тобой. А как вообще у тебя дела?- Ренато слегка нагнулся вперёд и сказал как можно тише, но так, чтобы женщина его услышала. – *Sembri una regina! Mi mancano i nostri incontri (итал. Ты выглядишь как королева! Я скучаю по нашим встречам) ...*

- Один раз я всё-таки не выдержу и отдамся тебе,- ответила она так же тихо, потом, подумав немного, добавила на итальянском. - *Come l'ultima puttana (итал. Как последняя шлюха).*

Ренато не смог сдержаться и рассмеялся от души. Трудно себе представить, но между ними никогда не было интимной близости. Всё, что они себе позволяли, это поцелуй в губы на прощание. И то, что Ренато назвал «горячими встречами» было всего-навсего откровенными, задушевыми беседами. В последнее время правда это случалось крайне редко, от того становилось всё более ценным.

К столику подошёл официант с огромной плоской подарочной коробкой, весьма тяжёлой, судя по напряжённому выражению лица. Ренато встал и отодвинул стул стоящий рядом с Нелли.

- Поставь сюда! - скомандовал он, и тут же щедро отблагодарил официанта за терпение и мужество, положив ему в карман крупную денежную купюру. - Спасибо, друг, дальше я сам!... Вот, видишь, Нелли, я наконец-то научился давать

чаевые. Теперь главное не сделать это в Италии, когда я поеду туда летом, подумают, что я сошёл с ума.

- Ну знаешь ли, в каждой стране свои правила этикета. Давай, не томи, что там за сюрприз?

- Нелли, – начал торжественно Ренато. – Я хочу поздравить тебя с праздником – юбилеем нашей дружбы, и подарить тебе тебя.

- Мне меня? Интригующе! Что там?... А-а-а, я кажется поняла! – она захлопала радостно в ладоши. – Картина?

- Да! – гордо ответил Ренато, распаковывая портрет в резной деревянной раме. – Натуральные масляные краски, для настоящей королевы этого мира.

- Бо-оже, я сейчас расплачусь, – искренне сказала Нелли и потянулась за бумажной салфеткой. – Это так неожиданно, и так приятно... Неужели я такая красивая? – она встала из-за стола и отошла чуть назад так, чтобы увидеть общую картину. – Чудо, просто чудо, Ренато! Такой, именно такой, я была десять лет назад!

- Ты совсем не изменилась, всё тот же живой взгляд, – тут же принялся расхваливать он её красоту. – Твои серые глаза сводят меня с ума с самого первого дня!

- Ой льстец, ой хитрый лис. Вот только с возрастом причёска всё короче, а тут я ещё с длинными волосами...

- Но цвет одинаковый – тёмный шоколад, и фигура стройная. Мне кажется, – он сделал шаг назад и прошёл взглядом по её фигуре, сверху вниз и обратно. - Ты сейчас ещё больше

стройная.

- Это от нервов, да и не видно тут моей фигуры, только лицо и грудь. И прекращай эти свои сладкие комплименты, у меня сейчас вырастут крылья и я улечу.

- Хорошо, что ты сказала о крыльях. У меня есть для тебя ещё один подарок, но он будет на десерт. Надо мало подождать...

- Решил испортить мне фигуру, да? – Нелли встала в позу «руки в боки», но потом огляделась по сторонам, и увидев, что зал уже на две трети заполнен посетителями, тут же села за стол.

- Так ты берёшь картину? – не отставал Ренато, которого не волновала обстановка вокруг. – Муж не придёт, не порежет её на маленькие кусочки, как в прошлый раз?

- Ха-ха, не-е-е, всё, мы развелись окончательно и бесповоротно. Печать в паспорте о разводе, показать? У нас сегодня есть что отметить, помимо юбилея дружбы.

- Dio! Mio Dio! O Madonna mia, hai ascoltato le mie preghiere! (*итал. Боже! Боже мой! О Мадонна, ты услышала мои молитвы!*) – он демонстративно поднял руки вверх.

- Прекрати, Ренато!

- Я не могу, мне хочется кричать от радости, петь, веселиться! Ура-а! – он присел за стол и взял бокал с красным вином. – Давай выпьем за тебя это прекрасное барбареско и ты разрешишь мне поцеловать тебя по-настоящему. А потом мы поедем...

- Ренато. Стоп! Ты так радуешься, будто я не развелась, а вышла из тюрьмы... Хотя, мне самой именно так и кажется, и сейчас я хочу только одного – надышаться свободой.

- Твой муж действительно был тираном, – закивал одобрительно Ренато и, посмотрев на принесённые официантом дымящие кусочки шашлыка на шпажках, взял вилку и нож. – Хм, пахнет очень вкусно.

- Buon appetito, – сказала ему Нелли, а сама ещё раз с умилением посмотрела на свой портрет. Её, теперь уже бывший муж, точно не сможет до него добраться, и его паталогическая ревность не разорвёт в клочья чужой труд.

Муж Нелли с первых дней брака был настолько ревнив, что следил за каждым её шагом. Мог ворваться в любое время в рабочий кабинет и устроить скандал из-за малейшего пустяка, с криком: «Почему ты не ответила на мой звонок?» Потом долго просить прощения, не найдя ничего подозрительного в наугад открытых шкафчиках и тумбочках, заглянув за дверь и даже под стол. И все подобные сцены ревности, вне зависимости где и когда были устроены, всегда заканчивались страстными поцелуями и сумасшедшим сексом. Нелли иногда казалось, что муж нарочно так себя ведёт, чтобы возбудиться. К счастью секс с ним ей всегда нравился, и муж был красавцем, что многие женщины засматривались, поэтому, в конечном итоге, она прощала ему всё. Так могло продолжаться ещё очень много лет, они и так прожили вместе больше десяти, но всё решил банальный случай.

Муж прилетел из Италии, там у него была своя винодельня в Монтепульчано. Вино шло на экспорт большими партиями в несколько Российских городов, где разливалось уже на местных алкогольных заводах. Нелли тщательно готовилась к очередному приезду мужа и заехала домой проконтролировать домработницу, заодно и привезти свежие продукты. С порога она услышала его разъяренный крик, звук бьющейся посуды, оправдания домработница, а потом её стон. Сцена, открывшаяся перед глазами Нелли, когда она вошла на кухню, напомнила ей себя, но только со стороны. Её возбуждённый муж, в приступе необузданной страсти, и неконтролируемого животного инстинкта размножения, грубо насиловал не очень-то и молодую женщину. Даме было около сорока пяти и работала она в их доме больше пяти лет. Нелли как представила себе, что это не в первый раз, чуть не потеряла сознание. Она даже не стала уточнять, почему муж прилетел раньше, и не хотела выслушивать глупые оправдания домработницы. Она просто собрала свои вещи и в тот же день переехала в собственную квартиру, которая досталась ей от отца, как и ресторан.

Ренато ел с наслаждением, мясо таяло во рту и он на некоторое время даже забыл о Нелли. Спихватился, когда подошёл Бартоломео с кухни и собственноручно принёс десерт, который можно было назвать не иначе как произведение искусства.

- Это можно есть, Бартоша? – спросила Нелли, глядя на

неимоверное количество пёстрых бабочек на её любимом торте с риккото и виноградом.

- Ты не отвлекайся, а внимательно смотри, там сюрприз, – сказал ей Ренато, и тут же встал, чтобы пожать руку шеф-повару. – *Grazie, caro amico! Sei un genio, Bartolomeo!* *(итал. Спасибо, дорогой друг! Ты гений, Бартоломео!)*

- Я нашла, нашла! – воскликнула радостно Нелли, держа в руках небольшую красивую брошь в виде бабочки. – Это же Грета Ото! Потрясающая ювелирная работа... А как мастер умудрился сделать крылышки, они же прозрачные, как у настоящей бабочки? Ты помнишь, Ренато, когда ты меня спросил, чем я увлекаюсь? А я тебе что ответила?

- Я не повторю это слово, Нелли, но это было очень смешно.

- Лепидоптерофилист. Ты до сих пор не выучил, нет?

- Пожалуйста, не проси это повторить, – Ренато улыбаясь выпил глоток вина и аккуратно взял брошь, чтобы самому рассмотреть её поближе. Знакомый ювелир попросил на выполнение заказа две недели и теперь было понятно почему. В природе у этой бабочки, с красивым названием Грета Ото, крылышки как стекло – настолько они прозрачные и тонкие, что просвечиваются насквозь. Видимой бабочку делают только коричневое тельце и обрамленные светлым или тёмно-коричневым цветом края крыльев. То, что Нелли коллекционирует бабочек, Ренато знал давно, и именно она увлекла его описанием жизни этих хрупких насекомых.

- Так я жду, мой друг. Ты просто обязан сегодня сказать, как называется коллекционер бабочек. Давай, повторяй за мной! Лепидо...птеро... филист.

Ренато кое-как повторил, но добавил к окончанию букву «о», на итальянский манер.

- Ладно, пусть так, – махнула рукой Нелли и забрала брошь, чтобы приколоть её на лацкан пиджака. – Ну, как?

- Bellissimo! – выразил он своё восхищение и потянулся через стол, чтобы поцеловать ей руку. – У тебя очень красивый костюм сегодня.

- Спасибо, моё солнышко. Лавандовый цвет мне очень идёт, и твоя бабочка так удачно сочетается с ним... Какой же чудесный сегодня вечер, Ренато. Ты просто чудо! Ох, кому-то повезёт, если ты решишь поменять холостяцкую жизнь на семейную.

- Я пока не встретил женщину лучше, чем ты. Но ты...

- Нет, нет, нет! Вот только не надо мне сейчас начинать петь серенады, Ренато. Я хочу пожить одна, для себя, в гордом одиночестве. Возможно, заведу собаку, раз бог не дал мне детей.

- Я не люблю собак... Когда я был маленький, папа подарил мне собаку, а через полгода умерла мама...

- А через неделю твоя собака убежала, и вы так её и не нашли. Я помню, помню. Ладно, не надо о грустном, – Нелли посмотрела на Ренато с таким скорбным сожалением, что он закивал в ответ и замолчал. – Мне очень жаль, – добавила

она. – Судьба бывает так несправедлива, как нам кажется, потому что она отнимает у нас самых близких. А ты знаешь, что у древних греков, и бабочка и душа обозначались одинаково – «псюхе». И Психея у них, как прообраз души, всегда изображалась с крыльями бабочки.

- Да, у Рафаэля есть картины, и эскизы на эту тему, я знаю, – воодушевленно ответил Ренато. – А ты тоже думаешь, что бабочки – это души тех, кто уже умер? У русских так?

- У древних славян не знаю, а вот у православных христиан, жизнь бабочки очень символична. Сначала живёт гусеница, как все мы, рискуя каждый день стать жертвой, вынужденная добывать себе пищу. Потом кокон – это своего рода смерть, ведь он, как гроб, согласись. А потом воскрешение, переход из одной жизни в другую, но в ином обличии.

- Очень интересно, мне нравится, – сказал Ренато. – Никто не знает, что там, – он поднял указанный палец вверх.

- Вот именно, что никто не знает, одни гипотезы. Может и правда, и воскрешение переносит душу в этот же мир, но в другом обличии, и с другим мировосприятием? Хотя, есть много ядовитых бабочек, например, как Грета Ото, – Нелли опустила голову и посмотрела на брошь. – Вот, пожалуйста, наглядный пример, эта красавица из семейства нимфалид, и в обличии гусеницы, и став бабочкой, питается исключительно ядовитыми растениями рода цеструм.

- Роза тоже имеет шипы, – сказал Ренато. – Но всё равно остаётся королевой цветов.

- Да ты философ! Ой, давай выпьем за тебя, мой дорогой художник. Спасибо тебе за всё.

- Всё только для тебя, – он поднял бокал. – Но ты мне должна обещать, что следующая моя выставка будет с тобой!

- Ты приглашаешь меня на фотосессию?

- Да!

- Надеюсь без эротики? Я уже не в том возрасте.

- У тебя молодая душа, и глаза, как у Афины, – ушёл от ответа Ренато.

- Ого! А я и забыла, что у древнегреческой богини мудрости были серые глаза, ты же мне это уже говорил давным-давно. А я вот зато знаю, что в мире всего один процент людей имеет серый цвет глаз, представляешь?

- Я тебе всегда говорил и повторяю – ты уникальная женщина!

- Ты мне лучше про своих женщин расскажи. Кто там у тебя сейчас?

Нелли любила слушать, когда Ренато начинал описывать свои чувства и рассказывать об очередном «увлечении». Она придумала для него игру под названием «Коллекционер бабочек в животе», и предложила сравнивать каждую новую музу Ренато с бабочкой. А потом сама рассказывала, как в природе живёт та или иная особь, где обитает, плотоядная она или хищная...

Ренато ненадолго задумался, вспомнив, что запер Лину в квартире, и даже не представлял, что его ждёт по возвраще-

нии.

- Так кто она? Не томи! Я видела афиши и смотрела рекламу твоей персональной выставки – это нечто! Где ты нашёл это сокровище?

- Пришлось побегать за этой дикой штучкой. Я очень рад, что тебе понравилось. У этой бабочки чёрные крылья и она вампир, я с трудом к тебе приехал.

- Охотно верю, потому что тебе удалось передать, даже в том фото на афише, всю силу её сексуальности. Это такой взгляд! Такой... нет, это не магнит, это гипноз, бездна чувств... Я хочу с ней познакомиться, Ренато!

- Я закрыл её...

- Такую только в клетке можно удержать.

- Она в квартире, но ключи только у меня.

- Это рискованно...

- Нет! Скоро начнётся выставка и она должна быть там... со мной...

- Ну сам смотри, тебе виднее, мой милый, – лукаво улыбнулась Нелли и подцепила вилкой одну из сахарных бабочек, украшающих десерт. – Эта похожа на калиптру, – сказала она, посмотрев на Ренато. – Некоторые бабочки этого рода настоящие вампиры, прокалывая хоботком кожу, впиваются и сосут кровь.

- У людей?

- У людей реже, в основном у животных. Вот только цвет крыльев у них светло-коричневый, а ты ищешь тёмный, под-

ходящий твоей вампирше окрас... Где ты взял эту красоту? – Нелли снова перевела взгляд на сахарную бабочку с торта. Бартоша, хоть и печёт прекрасные десерты, но украшает всегда примитивно.

- Я заказал по интернету позавчера вечером, а адрес сайта мне дал Бартоломео.

- Вот вы оба партизаны! Вечер сюрпризов продолжается! Ладно, не будем отвлекаться... Хорошо бы вспомнить название какой-нибудь чернокрылой бабочки... Ой, я кажется знаю! – вскрикнула радостно Нелли, довольная своей памятью. – Вспомнила! Правда по-русски она называется не очень красиво, я даже не знаю, поймёшь ты или нет.

- Скажи по-итальянски.

- Lutto, кажется так переводится слово «траур».

- Да-да, правильно! А-а-а, «бабочка в трауре» – такое название? – догадался Ренато.

- Почти, только – траурница. И всё из-за тёмно-вишнёвого, почти чёрного цвета. Но, по краю крылышек проходит светло-жёлтая лента и рядом с ней ряд голубых пятен. Красота сногшибательная, обязательно посмотри фотографии. Ты мне сразу скажешь, что я попала в точку, потому что латинское название этой бабочки *Nymphalis antiopa*, и переводится оно как «царица амазонок».

- Царица?

- Да по-итальянски, что царица, что королева – одинаково. Миф про Антиопу и Тесея помнишь?

- Помню, что Тесео убил Минотауро, – на итальянский манер ответил Ренато, изменив окончание имени героя древнегреческих мифов и критского чудовища из подземного лабиринта в Афинах.

- А про один из подвигов Геракла ты помнишь?... Или как он там на итальянском – Ercole?

- Да.

- Прекрасно! Значит ты понял о ком я?

- Конечно!

- Геракл отправился за поясом Ипполиты, королевы амазонок...

- Там непонятно всё, – пожал плечами Ренато.

- Ну-ка, ну-ка, рассказывай, мой хороший, я страсть как люблю мифологию.

- Было три сестры амазонки.

- Это я знаю: Ипполита, Антиопа и ещё...

- Меланиппе, – Ренато продолжил менять окончания имён на итальянский манер.

- Да, точно, Меланиппа! И?

- Ипполита была королевой, но Ерколе её убил, а других взял в плен. Мелланиппа отдала ему пояс и он её отпустил, Антиоппу он подарил Тесео, как трофео...

- Трофей, – поправила его Нелли, еле сдерживаясь чтобы не рассмеяться.

- Я читал, что Ипполита назвала себя именем сестры.

- Подожди, я совсем запуталась! Геракл убил вместо Ип-

политы её сестру Антиопу?

- Да!

- Тогда получается, что жена Тесея была настоящая королева?

Ренато кивнул и добавил.

- Она влюбилась в Тесею и сказала, что она Антиопе, потом у них родился сын Ипполито.

- Ладно, чёрт с ней, с этой историей! – воскликнула Нелли. – В любом случае, латинское название бабочки мы поменять не сможем, но согласись, что «Царица амазонок» – это подходящее имя для твоей Лины? *Regina delle amazzoni*... Правильно?

- Да!

- Кра-со-та. По-моему, всё совпало.

- *Ecco il diavolo!* – выругался Ренато. – Надо было рассказать тебе и делать другие фотографии!

- Да перестань ты, – махнула рукой Нелли. – Уверена, что у тебя получились прекрасные снимки и без того, чтобы наряжать девушку в костюм амазонки.

- Нет, я хочу переделать!

- Ты не успеешь, Ренато, не горячись! До выставки осталось несколько дней...

- *Quattro*, – он показал Нелли четыре пальца. – Я успею!

- А афиши? А галерея? Фотографии в рамках... проявка, распечатка... Ты сумасшедший!

- Я знаю, но я хочу попробовать! – Ренато засобирался.

Обнимая Нелли крепко на прощание, он поцеловав ей обе руки, и поспешил к выходу.

Глава 3. Лина. *Nymphalis antiopa*

В квартире царила тишина и кромешная тьма. Ренато зажёл в зале свет – всё было на своих местах, включая стеклянную посуду в буфете и декоративные статуэтки на современном комодe. Даже зеркало, висевшее над ним, было целым, хотя можно было ожидать чего угодно. Во всяком случае Ренато был готов ко всему, кроме идеального порядка.

- Лина, ты тут? – крикнул он. – Ли-на! – но в ответ снова тишина. Ренато стоял посреди зала и не решался идти в спальню. Воображение художника рисовало в голове древнеримскую оргию переходящую в вакханалию, во главе которой была ненасытная Лина и бог плодородия Приап. Последний на всех картинах и скульптурах выделялся всегда огромного размера фаллосом в состоянии эрекции.

Ренато замотал головой отгоняя навязчивые мысли и зашагал в сторону спальни, успокаивая себя тем, что собственноручно запер входную дверь, когда уходил. Конечно, в квартиру на четвёртом этаже можно было попасть и через балкон, по пожарной лестнице. Наиболее наглый способ не исключал вызова пожарной машины с выдвижной лестницей или подъёмником. Но войдя в спальню, и включив свет, Ренато выдохнул с облегчением. Лина спала глубоким сном посередине огромной кровати. Она слегка похрапывала лёжа на спине, всё в том же шелковом халате. Левая грудь была

обнажена, что было весьма символично. Все скульпторы и художники с древних времён изображали амазонок именно так – с оголённой левой грудью: одежда сковывала движения и мешала при стрельбе из лука.

Обстановку в спальне Ренато оценил на троечку по пятибалльной шкале: зеркала были разрисованы губной помадой нескольких оттенков красного. Нецензурные выражения упоминающие мужские гениталии были подкреплены примитивными рисунками, наглядно подчёркивающими их большой размер. На широком подоконнике в ряд были выставлены дорогие бутылки вина, многие из которых были опустошены больше чем на треть. У Лины было достаточно времени, чтобы всё попробовать и оценить, и судя по сладкому причмокиванию между похрапыванием, ей всё понравилось. Ренато взял наугад одну из бутылок и прочитав название, одобрительно кивнул.

- У тебя прекрасный вкус, Лина, – обратился он к спящей девушки. – Джузеппе Квинтарелли «Amarone della Valpolicella Classico», двухтысячного года. Цена примерно около двух с половиной тысяч долларов. Молодец! О-о-о, да тут есть ещё дороже, судя по надписи «reserva»! – Ренато взял соседнюю бутылку. – А год? А-а-а, ну конечно – две тысячи седьмой. Bellissimo, Лина! Это благородная вендетта и... очень вкусная, – он посмотрел на остальные откупоренные бутылки. – Да, и очень дорогая, моя дорогая! – взгляд снова был переведён на Лину, но та пребывала в глубоком

сне и не собиралась просыпаться. Ренато взял с подоконника сразу несколько бутылок и отнёс в зал, потом вернулся за остальными, параллельно успев накрыть соблазнительную грудь спящей «амазонки» шерстяным покрывалом. К ней он ещё успеет вернуться – впереди длинная ночь, и Лина даже не подозревает, что её ждёт. А пока что Ренато хотел проверить запасы своей коллекции алкоголя, хранящегося в специализированном винном шкафу. Впервые он пожалел, что тот никак не запирается, а открывается как холодильник.

Бесшумный, с термоэлектрической системой охлаждения, винный шкаф стоял в дальнем углу комнаты, справа от выхода на балкон. Ренато принёс все бутылки и поставил их сверху, так как по размеру шкаф был чуть выше семидесяти сантиметров. Открыв дверцу, он присел и принялся пересчитывать оставшиеся в девственной закупорке горлышки бутылок. Нехитрый математический подсчёт выявил, что помимо восьми открытых Линой, остальные семнадцать на месте, в целости и сохранности. Осталось только найти пробки и положить початые бутылки туда же. На поиски ушло около часа, и Ренато, перед тем как закрыть последнюю бутылку, налил себе полбокала, как поощрение за труд.

Взглянув на часы, стрелки которых давно перевалили за полночь, он сделал небольшой глоток, и уселся в удобное кресло, положив ноги на низкий журнальный столик. Ещё глоток, чтобы полностью ощутить вкус благородного итальянского вина «Сассикайя» из провинции Болгери в Тоскане. Судя по

всему Лине оно понравилось больше всех, в бутылке осталось меньше половины содержимого. И не мудрено, ведь однажды маркиз Марио Инчиза делла Роккетта, большой любитель бордоских вин, пошёл на хитрость и высадил в своём поместье два французских сорта винограда: каберне совиньон и каберне фран. К счастью те прижились на грунте, покрытом гравием, ну и несомненно помог мягкий климат Италии. Вино получалось отменное, но заслужило лишь низшую категорию качества по официальной итальянской классификации, из-за запрета выращивания иностранных сортов винограда. В начале восьмидесятых годов прошлого века, вино Сассикайя, что означает «каменные земли», затмило знаменитые бордоские вина и одержало победу в анонимном конкурсе. После этого журналисты окрестили это вино, как супертосканское, и если речь заходила о винах, то Сассикайя всегда употреблялось с термином «легендарное».

Ренато наслаждался ярко выраженной насыщенностью и глубиной рубинового цвета, изысканным фруктовым ароматом. Смаковал. Помимо вкраплений чёрной смородины и черники, в букете присутствовали плоды вишни и сливы, лаванда и дикорастущие травы. Сложный состав благородного вина открывал ему целую гамму непередаваемого восторга, и рождал новых бабочек в животе. Ренато исполнил о том, что сказала ему Нелли и нашёл в интернете описание и фотографию крылатой нимфалиды антиопы, и залюбовался её красотой. Основной, тёмно-вишнёвый цвет крыльев был

схож с вином в бокале. Бабочка к тому же оказалась любительницей перезрелых фруктов и бродящего берёзового сока.

- Лину, как и этих бабочки, привлекает запах кислого и сладкого брожения,- отметил про себя Ренато, и с улыбкой допил оставшееся в бокале вино. Сладко зевнув, он встал и пошёл в спальню, где снова, откинув покрывало, завлекла его своим обнажённым телом прекрасная «королева амазонок». Он прилёг тихонько рядом, и стал целовать плечо девушки. Единственный включённый ночник, с противоположной стороны кровати, еле освещал спальню и Ренато потянулся, чтобы включить ещё один, на прикроватной тумбочке. Ему нужно было больше света, но не очень яркого – просто хотелось видимости отражения в зеркале. Сейчас он был полон сил, с лихвой достаточных на всю ночь, для удовлетворения любых желаний Лины, но она продолжала спать. А он хотел её, целуя, лаская, возбуждаясь всё больше и больше, до того самого момента, когда разум сходит с орбиты и улетает в открытый космос. В такие моменты становится неважен процесс возвращения в себя, ведь душа обитает в ином измерении. И снова они – бабочки, вырвавшиеся из телесного кокона, разлетаются, в надежде, что ощущение полёта никогда не закончится. Ренато стонал от перевозбуждения напористо проникая в Лину, и она постепенно начала двигаться с ним в такт, медленно приходя в себя. Ещё немного и они поменяют позу, чтобы получить передышку,

иначе оба придут к «финишу», и она – царица амазонок – снова уснёт. Ренато остановился, когда девушка готова была закричать, взорваться изнутри вулканом и низвергнуть «лаву» наружу. Он начал целовать её, опускаясь всё ниже, но она моментально сжала его бёдра обеими ногами, не давая выйти.

- Хочу тебя... хочу, не останавливайся, милый, – шептала она еле слышно и продолжала сама, как змея, извивать под ним, пока не достигла предела, пока не провалилась куда-то в небытие, а после взлетела выше облаков.

Ренато едва не кончил в неё, успев в последний момент зацепиться за единственную здравую мысль, что детей он пока не хочет, даже от царицы амазонок.

Лина давно ослабила хватку и смотрела на него сквозь полуоткрытые веки. Красавец Ренато, как повзрослевший бог любви Амур, был притягателен и хорош до умопомрачения. Девушке не хотелось думать, что он когда-нибудь исчезнет из её жизни и будет вот так же, может даже и на этой кровати, любить другую до полного изнеможения. Лина прикусила нижнюю губу, почти до крови, чтобы отвлечь внимание от колючих мыслей и заменить их другой болью. Тяжело вздохнув, она повернулась на бок и закрыла глаза. Ренато не мог оставить такую позу без внимания и, накинув на себя огромный махровый халат, пошёл за фотоаппаратом.

На шёлковой простыни лазурно-синего цвета, обнажённое загорелое тело Лины отражалось в объективе как янтарь

в море. Потом, по этому фото, Ренато Рицци обязательно напишет портрет, а пока следовало спешить, до выставки оставалось совсем ничего – пять ночей и четыре дня. И эту ночь ему упускать совсем не хотелось, даже если объект внимания спал крепким сном.

- Клин клином вышибают! – вспомнил Ренато русскую поговорку и пошёл варить крепкий кофе.

Через полчаса Лина кое-как пришла в себя, выпив не только две чашки кофе, но и не меньше половины литра воды. После терпких, крепких, пусть и элитных вин, жажда мучила её не меньше, чем от любого другого алкоголя. Слегка побаливала голова, но и на этот случай у Ренато было проверенное средство – шипучие таблетки аспирина плюс апельсиновый сок.

- Завяжи глаза! – скомандовал он девушка, когда та оделась и допила антипохмельную смесь. Широкая повязка из тонкой натуральной кожи – это был несоответствующий атрибут образа, имитирующего костюм амазонки. У Ренато, от какой-то давней фотосессии, нашлись юбка и топ со шнуровкой, ещё и с меховой оторочкой. Костюм под стать амазонке, именно такой, каким его обычно представляют в кино, сшитый из лоскутов грубой кожи. Он частенько подбирал дорогие костюмы, платья и даже обувь, для некоторых, особо привлекательных моделей в одном элитном ателье, где можно запросто было найти любую одежду напрокат. Иногда забывал возвращать, и вещи продолжали висеть месяцами в

его огромном гардеробе, пока владельцы ателье сами не напоминали о них.

Благо в эту ночь спонтанно нахлынувшее вдохновение не требовало от Ренато никаких особых заморочек. Даже обувь у Лины была соответствующей, она пришла к нему в гости в тёмно-коричневых замшевых ботфортах, ещё и на шнуровке.

- А зачем глаза завязывать? – наконец-то возмутилась она, до этого покорно позволяя надевать на себя всё подряд, включая несколько поясов с заклёпками и бахромой, и парочку хвостов из натурального меха на бёдра. В левом ухе красовалась серьга с красивым длинным пером, а на лоб повязана была плетёная тонкая косичка из замши, которую и закрыла повязка на глаза.

- Всего один снимок, – сказал Ренато. – Потом мы тебе сделаем макияж. И шкуру наденем, вот эту! – он вытащил из нижнего ящика огромного гардероба горжетку из светло-серого лисьего меха. – Сюда вот, на плечо одно накинешь, – продемонстрировал он тут же, хотя Лина ничего не могла увидеть в данный момент. Ренато отбросил горжетку в сторону, прекрасно понимая, что Лина не станет сопротивляться, потому что за эту фотосессию ей была обещана кругленькая сумма. Тех, кого Ренато сам приглашал сниматься, он предпочитал щедро благодарить, не только за бабочек в животе, но и за потраченное с пользой время. Остальные же платили ему сами, и их было в несколько раз больше, и мно-

гие хотели, и готовы были платить бешеные деньги хотя бы за одну ночь любви, но... Нет, для Ренато это было принципиально недопустимо, если при виде женщины, неважно какого возраста, внутри него не начинал играть оркестр из пяти чувств, управляемый дирижёрской палочкой интуиции, то ни о каком интиме и речи не могло быть. Шестое чувство ещё никогда его не подводило и он доверял ему всецело, чтобы потом наслаждаться временем, и новыми ощущениями полёта. Всё остальное он считал механической игрой тел, сексом ради секса, пустой тратой жизни...

На втором этаже двухуровневой квартиры у Ренато была огромная фотостудия, занимающая почти весь этаж. Арендодатель с радостью разрешил перепланировку помещения, при этом повысив стоимость проживания почти в полтора раза. Ренато всё устраивало, и вот уже больше пяти лет, он с удовольствием жил и творил тут, даже несмотря на частые перебои с электричеством.

Выставив свет и найдя подходящие атрибуты и цвет фона, он наконец приступил к одному из любимейших дел. Лина сняла повязку и нарисовала себе чёрным гримом широкую полосу на глазах, уходящую за виски. Её голубые глаза и выющиеся длинные волосы цвета чёрного шоколада, смотрелись гармонично, сочетаясь с костюмом. Вот только состояние было подавленное, хотелось прилечь где-нибудь в уголке и поспать часик.

- Посмотри в объектив, Лина! Работай! А то я сделаю из

тебя натуральную амазонку и тебе будет больно.

- А я, по-твоему, сейчас не натуральная? – она выпустила в него воображаемую стрелу из такого же невидимого лука, отложив в сторону небольшой лабрис – неотъемлемый атрибут женщин-воинов. Двухсторонний топор сверкнул наточенными лезвиями, отразив свет от одного из прожекторов.

- Пять минут отдыхаем, ладно, – сдался Ренато, видя, что девушка теряет последние силы. Он присел на стоящую неподалёку от него длинную банкетку и показал рукой на пустое место рядом. Лина тут же подошла, и тяжело вздохнув села. Они оба прикурили и синхронно выпустили дым в потолок.

- Так что там с настоящими амазонками было? – спросила она умышленно, чтобы Ренато начал хоть что-нибудь рассказывать, и оставил её в покое. Лина положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

- Правую грудь им прижигали ещё в детстве, – донеслось до неё в полудрёме, и любопытство тут же взяло верх над усталостью.

- Зачем?

- Что? Ты меня не слушаешь, да? Я же говорю, чтобы грудь не мешала стрелять из лука.

- Фу-у, ужас какой. Ты серьезно?!

- Так пишут историки, но мне кажется, что это, как это сказать – просто легенда.

- Я тоже так думаю, да и потом, при чём тут грудь? Сколь-

ко раз смотрела соревнования по стрельбе из лука, – хихикнула Лина и потушила дотлевшую в пепельнице сигарету. – Стрела и натянутая тетива всегда где-то в районе уха или рта, но уж точно не подмышкой.

- Под какой мышкой? – переспросил Ренато.

- Да вот тут, – Лина подняла руку и указала пальцем на ямку под плечевым суставом. – Слушай, а может амазонок этих и не существовало вообще?

- А как же скульптуры и картины, рельефы и барельефы, Троянская война...?

- Что, и там тоже?

- Да, амазонки воевали на стороне Трои... Ты отдохнула, мы можем продолжать?

- Может поспим немного? – Лина посмотрела на него умоляющим взглядом. – А утром продолжим?

- Утром ты будешь плохо выглядеть! И у меня дел много, надо тебе крылья на выставку сделать ещё...

- Ка-какие крылья, Ренато? У меня уже готово платье на твою фотовыставку, там спина открытая, почти до, – Лина встала и провела пальцем линию в районе копчика. Куда тут крылья, на задни... Кхм, на попу цеплять?

- На спину, – спокойно ответил Ренато. – А цвет какой у твоего платья?

- Чёрный, оно тут всё обтягивает, – девушка провела руками вдоль тела и до бёдер. – А справа до пола разрез.

- Надо его зашить.

- А как я ходить буду?
 - Надо подумать... Утром поедem и всё решим.
 - А какие хоть крылья? Чёрные или белые? Как у ангела?
 - Как у бабочки...
 - Да ладно! Вот это ты меня сейчас удивил, Ренатик.
 - Я Ренато, а не Ренатик, сколько раз можно повторять?
- Всё, Лина, иди немножко поработай! Давай, давай...

Через час они всё-таки закончили. Время близилось к утру и им обоим необходим был отдых. Ренато был доволен съемкой и тем, что удалось успеть хоть что-то воплотить из внезапно нахлынувших идей. И снова не обошлось без Нелли, его ангела-хранителя, верной подруги и самой мудрой на свете женщины. В какой-то степени это было похоже на отношения матери и сына, старшей сестры и брата, давних друзей детства. И в то же самое время, если бы Нелли вела себя по-другому, если бы она взглянула на Ренато, как истинная женщина на красивого и темпераментного мужчину, их дружеский союз мог бы закончиться давным-давно.

Последующие дни и ночи пролетели в приятной суматохе и спешке, при этом принося чудесные плоды труда. Организаторы фотовыставки нашли место и для пяти роскошных фотографии, как постеров, размером – в ширину почти восемьдесят пять, а в высоту чуть больше ста десяти сантиметров.

- Почему так мало? – возмущалась Лина.
- Больше нет места! Но остальные можно выставить на

аукцион, если я успею всё распечатать и привезут рамки...

- До открытия четыре часа, я пошла готовиться, уже стилист приехал!

- Скажи ему, что я хочу чёрные усы.

- Не усы, а усики, Ренато, у бабочек на голове усики, а усы – это у мужчин под носом.

- Да, да, усики. Иди, иди, я потом приду посмотреть...

Всё, что было запланировано на этот вечер, по удачному стечению обстоятельств, удалось осуществить. Открытие выставки собрало все сливки общества и самых популярных журналистов, дизайнеров, фотографов и художников, рестораторов и всех тех, кому посчастливилось получить приглашение.

У Лины рябило перед глазами, от множества ярких нарядов, бриллиантов и страз, но все они смотрелись однообразно на фоне её огромных крыльев за спиной. Ренато вновь удалось невероятное, и они были бесподобны, благодаря ювелирному мастерству профессионального дизайнера одежды, и его команде.

Чёрное платье-футляр длины макси было изготовлено из мягкого трикотажа-резинки с длинными рукавами и глубоким V-образным вырезом в области декольте. Никаких лишних деталей и украшений, кроме браслета из чёрных жемчужин в паре с серьгами. С усиками на голове не стали заморачиваться и в традиционно женский вид причёски в виде высокого пучка, воткнули накрест две длинные вязаль-

ные спицы чёрного цвета, с круглыми наконечниками. И конечно же крылья, как произведение искусства, из зефирного фоамирана тёмно-вишнёвого цвета. По обоим краям акриловой краской была нарисована светло-жёлтая полоса и ряд голубых пятен. И держалась вся эта конструкция за спиной, как рюкзак, на тонких ремешках. Обувь для наряда подобрали практичную – это чёрные римские сандалии на плоской подошве со шнуровкой до колена. Лина насколько вжилась в свой образ, что казалось будто она вот-вот вспорхнёт крыльями и полетит.

Ренато выглядел под стать своей музе: чёрные брюки и фрак, тонкая шёлковая белая сорочка с воротником-стойкой, чёрный галстук-бабочка, под фракком белый жилет с дорогими пуговицами. Непослушные волосы средней длины были уложены гелем с воском, лицо гладко выбрито, в левом ухе серебряная пусета с чёрной жемчужиной.

В самый разгар фотовыставки, когда большая часть приглашённых разбрелась по залу небольшими группами, к Ренато подошла Нелли с вновь прибывшими гостями.

- Хочу познакомить тебя, мой друг, с одним из лучших архитекторов нашей страны Артуром Данаиловым и его супругой Альбиной.

- Очень приятно! – тут же любезно сказал Ренато, в спешке пожав руку Артуру, и засмотревшись на его жену. Перед собой он видел только образ Венеры с картины Сандро Боттичелли. Длинные рыжие волосы, лёгкой волной падали ни-

же плеч, струились по спине доходя до поясницы. Изумрудный цвет глаз манил своим блеском и чистотой.

Нелли сразу заметила перемены во взгляде Ренато, но она и сама подозревать не могла, что её давний знакомый из Москвы приедет с новой женой. Первую жену Артура Данаилова она прекрасно помнила и та особо ничем не выделялась, а тут такая Альбина, что у Нелли самой челюсть на секунду отвисла. Подошедшая к этому времени Лина, слегка возбуждённая от выпитого шампанского и неиссякаемых комплиментов, не обратила никакого внимания на стоящего в ступоре Ренато.

- Здравствуйте, здравствуйте! Я Лина – муза этого гениального художника и фотографа! – она взяла Ренато под руку. Нелли улыбнулась, высоко оценив наглость девушки. Артур представился просто по имени, хотя по возрасту был ровесником Нелли, но выглядел намного моложе своих лет, несмотря на седые виски. Тёмные, почти чёрные волосы, открытый взгляд карих глаз, прямой красивый нос, немного узкие губы, подбородок с небольшой ямочкой. Очень высокий рост, широкие плечи, рядом с таким мужчиной любая женщина становилась хрупким цветком, пушинкой, бабочкой. Альбина, на вид которой было около двадцати пяти лет, именно так и смотрелась – изящной и нежной. Она была одного роста с Линой, но предпочла в этот вечер очень высокие каблуки, поэтому оказалась наравне с Ренато.

Тот продолжал стоять, вполуха слушая восхищенные от-

звывы от архитектора, который столько раз слышал о его таланте от Нелли, что вот наконец решил посетить выставку сам. Альбина по профессии оказалась дизайнером интерьера и с любопытством рассматривала фотографии вокруг, не особо обращая внимания на Ренато. А он, в отличие от девушки, уже писал её портрет, как когда-то Боттичелли свою Венеру, а точнее её рождение. В огненно-рыжей богине было олицетворение любви и целомудрия, она стояла в морской раковине, которую бог ветра Зефир нёс к берегу.

Лина извинилась и «упорхнула» к другим гостям. Нелли встала на её место и больно ткнула Ренато локтем в бок. Он посмотрел на неё нахмутив брови, но наконец пришёл в себя.

- Не считите за наглость,- как ни в чём не бывало продолжал стоящий напротив него архитектор. - Я бы хотел заказать у вас портрет моей жены. Как можно было бы договориться по срокам и цене?

- О, я с радостью напишу портрет, – воодушевлённо ответил Ренато. – Приглашаю вас поужинать в итальянском ресторане на выходных, там и поговорим.

- Мы, к сожалению, тут всего на несколько дней, у меня много дел в Москве, да и у Альбины тоже. А сколько времени нужно на то, чтобы написать портрет?

- От одного дня до трёх-четырёх недель. Но я всегда за качество, поэтому не меньше недели – точно!

- А вы можете приехать в Москву?

- Думаю да! – тут же согласился Ренато.

- Или может Альбиночка сама приедет, и проживёт в гостинице? А? Ты как, ангел мой?

Та в ответ только пожала плечами.

- Вы можете остановиться у меня, – вмешалась Нелли. – В любом случае, я всех приглашаю в свой ресторан, завтра вечером, там и решим, – добавила она.

- Договорились, – сказал Артур и протянул руку Ренато. – Значит, до завтра? Не будем вас отвлекать. Мы только приехали, пойдём с удовольствием посмотрим вашу выставку. Альбина кивнула в знак благодарности и покорно пошла под ручку с мужем вглубь выставочного зала.

- До встречи! – сказал им в след Ренато и тут же почувствовал новый толчок в бок от Нелли.

- Даже думать не смей, слышишь? – сказала она, указывая в сторону уходящей пары. Из-за этой рыжей бестии, ты можешь лишиться не только покоя и сна, но и души!

- *Lei è la dea Venere!*(итал. Она богиня Венера!) – сказал Ренато.

- Да, да, богиня! А Лина? Как же твоя царица амазонок? Всё? Финита ля комедия?

- Она другая, но тоже очень красивая...

- Повезло тебе родиться талантливым, вот что я тебе скажу. Всех красавиц возле себя собираешь. И они к тебе, как на свет летят, летят, а ты горишь и манишь, манишь... Смотри не сгни только раньше времени...

- Я не понимаю, Нелли! Ты очень быстро говоришь и очень всё так... высоко... Я не знаю, как это сказать – это философия, да?

- Ой, всё! Оставь так, не обращай внимания! Пошли, скоро начнётся аукцион твоих невыставленных работ, будем собирать тебе денежку на дорогой гроб.

- Какой ещё гроб?

- Ты Артура видел? Он тебя одним кулаком раздавит, если узнает, что ты на его ангела Альбиночку глаз положил.

- Гла-аз?

- Ох Ренато, Ренато!... Есть такое русское выражение, когда тебе понравилась жена или девушка другого мужчины, то говорят «глаз положил».

- А-а-а! Да, помню такое...

- Помнит он, как же! Мозги отключились напрочь! Увидел красивую женщину и отупел! Сейчас салфетку тебе принесу, подожди тут!

- Нелли! Говори по-русски! Зачем салфетка?

- А я, по-твоему, на каком языке говорю? Салфетка нужна, чтобы слюни тебе вытереть!...

Ренато остановился посреди выставочного зала в полной растерянности.

- Пошли, – Нелли потянула его за руку. – Я шучу! Пошли, пока твоя Лина не прилетела!

- Она тебе не понравилась?

- Если ты про Лину, то она очень секси, особенно в обра-

зе амазонки. А ты молодец, всё успел как и обещал. Много фотографий ещё напечатал?

- Сейчас аукцион будет, сама увидишь, – оживился Ренато. - Я специально оставил самые сладкое на десерт...

Глава 4. Альбина. *Cethosia biblis*

Второй день фотовыставки заканчивался в полнейшей суматохе. Наплыв посетителей радовал, но вынуждал Ренато находиться в зале, а он при этом не мог найти себе места. Прибывая в состоянии полной растерянности и одновременно в лёгкой эйфории от предстоящей встречи с Альбиной, он не хотел опоздать в ресторан. Вот только Лина, как назло, капризничала, но её с собой он брать не собирался.

- Я хочу ещё вина! – сказала девушка, стоя рядом.

- Тебе хватит! Пьяная амазонка, даже такая красивая как ты – это плохо!

- Плохо, когда ты весь день не обращаешь на меня внимания. Я надела это платье для тебя, Ренатик, – она поставила пустой бокал на пол у стены и, сложив руки на груди, выставила вперёд правую ногу. – Ты как будто ослеп! Что случилось?

- Ничего, – замотал он головой. – Очень красивое платье, я уже говорил тебе.

- Вот именно – красивое... и дорогое! Из весенне-летней коллекции Лоро Пьяна, – она покрутилась на месте, демонстрируя новое льняное платье кораллового цвета, средней длины и с рукавами три четверти. Белый ажурный узор из фактурной тесьмы на манжетах, делал платье ещё более на-

рядным.

- Incomparabilmente!

- Что?

- Бесподобно, говорю.

- Да? Ура-а! Тогда, давай поедem в какой-нибудь ресторан, я есть хочу, Ренатик.

- Я Ренато! Ре-на-то! И у меня очень важная встреча сегодня, давай ты сама куда-нибудь поедешь?

- Я всё поняла, – Лина надула губы и отвернулась.

- У меня нет времени объяснять! – раздражённо сказал ей Ренато и глянул на часы. – Завтра вечером поедem куда ты захочешь, а сегодня я занят! Если тебе некуда идти, я оставлю ключи, ты можешь поехать ко мне домой...

- Ага... Как в прошлый раз?...

- Я не понимаю, чего ты хочешь? – Ренато обвёл взглядом выставочный зал и посмотрел в упор на Лину.

- Возьми меня с собой, пожа-а-алуйста, я буду тихо-тихо сидеть, как мышка, – взмолилась девушка.

- В другой раз. Прости, мне пора, – он поцеловал её в щёку и ушёл.

- Эй, стой! А ключи? – крикнула Лина, когда Ренато уже скрылся из виду. – Вот чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт!... И чего вам мужикам ещё надо?

К счастью в ресторан Ренато приехал вовремя, на радость Нелли, хотя она понимала, что его очередное увлечение может плохо закончиться. Муза для художника и фотографа –

это конечно хорошо, если она свободна. Но Альбина, в качестве любовницы, имея рядом такого известного мужа архитектора, – это недопустимо. Журналисты сразу пронюхают, а значит потом беды не миновать.

- Ренато, пока наши гости ещё не приехали, я хочу в последний раз тебя предупредить, – начала Нелли свой монолог. – Ты же понимаешь, что рано или поздно Артур всё узнает и последствия могут быть необратимые?... Да сядь ты, не ходи мне тут по кабинету туда-сюда! Тебе сейчас башку снесёт, и всё – баста карапузики, кончились танцы!

- Какие ещё пузики и танцы? – в недоумении спросил Ренато, застыв посреди кабинета как столб. – Опять русский фольклор?

- Почти, – рассмеялась Нелли. – Это из сказки про волка и семерых козлят.

- Хорошо, потом расскажешь, – вполне серьезно сказал он и наконец сделал шаг в сторону стула.

- Простите, – постучав в дверь, в кабинет заглянул молодой официант. – Ваши гости приехали.

- Спасибо!... Всё, пошли, мой ненаглядный, будем общаться с гостями, – сказала Нелли. – Артур хороший человек, очень добрый, и я ещё раз прошу тебя, будь, пожалуйста, сдержаннее. Это у вас, в Италии, можно не сводить взгляд с женщины, а тут... Впрочем, кому я говорю? Ты уже потерял голову...

- Ничего я не потерял! – Ренато провёл рукой по волосам,

приглаживая непослушные пряди, и добавил. – Мне не нравится, когда ты такая.

- Какая? – Нелли подошла совсем близко. Серый цвет её глаз стал заметно темнее, как хмурое небо перед дождём. – Я уникальная бабочка Грета Ото, – сказала она. – Красивая и жутко ядовитая. А та, на которую ты сейчас пойдёшь охотиться, может оказаться обычной, каких на каждом лугу сотни тысяч.

Ренато наклонил голову к её уху и тихо спросил.

- Хочешь, мы останемся тут и я попробую на вкус твой яд?

- Нет уж, пошли... Не красиво заставлять гостей ждать

- Я знал, что ты ответишь именно так. Ничего, я подожду, когда ты послушаешь своё сердце.

- Нет, просто я вас – итальянцев, хорошо знаю!

- Я наполовину русский... почти! – гордо заявил Ренато, пропуская Нелли вперёд, когда они выходили из её кабинета.

- Русский итальянец – это как пельмень с равиоли. Слушай, я до жути голодная, между прочим.

- Да, и я. Я бы поел сейчас равиоли, – оживился Ренато, вспомнив, что он ничего не ел весь день.

- У нас тридцать видов пасты в меню, с любым соусом, на твой изысканный вкус, дорогой.

- А букотини есть – такие, как спагетти, только внутри пусто?

- Ты мне будешь рассказывать как выглядят букотини?! Есть конечно, и букотини, и тальятелли, и вермишель, ещё

кавателли, радиаторе, фетучини... Что там ещё – ньюки, фарфарелле. Ой, а я знаешь какую пасту полюбила в последнее время, на колокольчики похожа, ну или на лилии.

- Это гигли.

- Да? А я знаю, что это кампанелле?

- Можно и так. А с каким соусом любишь? – облизнувшись спросил Ренато.

- Густой сырный соус подойдёт, хотя, с мясным тоже очень вкусно. Главное хорошо перемешать пасту, чтобы соус наполнил каждый колокольчик.

- Согласен! Заказ принимаешь? Мне кампанелли с грибным соусом, а равиоли в следующий раз...

- Ваш заказ принят, – засмеялась Нелли идя по коридору мимо кухни. - Сейчас Бартоша нам сварганит всё быстренько. Где там гости наши? Надеюсь они всё ещё ждут?

Альбина и Артур сидели в дальнем углу зала и мило о чём-то беседовали. Со стороны казалось, что у них только-только всё начинается в отношениях, до того они трепетно смотрели друг на друга. Нелли и Ренато остановились недалеко от их столика, не решаясь нарушить идиллию двух влюблённых.

- Мне кажется у тебя, мой ангел, нет никаких шансов, и я зря волнуюсь. Напишешь её портрет и, арриведерчи! Прощай, проща-ай! – запела Нелли себе под нос и потянула Ренато за руку к столику.

- Вечер добрый, – сказала она. – В Италии все вечно опаз-

дывают, вот и мы решили не нарушать многовековую традицию и пришли не вовремя.

- А где же ваша муза? – поинтересовался Артур вставая и здороваясь с Ренато.

- Она не смогла приехать, но передала вам большой привет и огромное спасибо. Я знаю, что на аукционе вы купите несколько больших фотографий...

- Да, вы действительно профессионал, – наконец-то заговорила Альбина. – Особенно удачно у вас вышла амазонка, фотографии на высшем уровне. У меня есть заказ в таком стиле, думаю, они удачно дополнят интерьер.

- Это для меня большая честь, сеньора, – Ренато привстал и, положив правую руку на сердце, кивнул в знак благодарности. – Если ваш муж позволит, я бы сделал вам подарок?

- Любопытно узнать, какой же? – Альбина посмотрела тут же на Артура, и тот ей подмигнул.

- Я хотел бы вас сфотографировать. Большие, маленькие, сколько хотите фотографий. Любой костюм, любое время года, любая эпоха и стиль. Хотите – смужем, с детьми, со всеми родственниками...

- О, это хорошая идея! – ответил за жену Артур и тут же добавил. – Вы очень хорошо говорите по-русски, Ренато. – А я вот только английский сумел освоить, и то, приходится частенько пользоваться словарём или переводчиком. Зато Альбиночка у меня полиглот: и английский, и немецкий, а недавно начала японский язык изучать... Представляете?!

- Хочу мечту свою осуществить, очень давнюю – поехать в Японию. Но для этого мне хочется понимать хоть что-то самой.

- А в Италии вы были? – спросила Нелли, зная, что Ренато непременно захочет это выяснить.

- Да, когда познакомились, я пригласил Алю на Сицилию, – улыбнувшись ответил Артур.

- Это было незабываемо! Там столько католических храмов, что я сбилась со счёта, – сказала Альбина. – Хотя, куда ещё мог пригласить архитектор девушку? Но честно вам скажу, никакой храм не вызвал у меня столько эмоций, как рыбный рынок в Катании, – добавила она. – Я просто очень люблю рыбу и морепродукты.

- Вот и прекрасно, – хлопнула в ладоши Нелли. – У нас есть свежая камбала и дорада, креветки, каракатица, устрицы, мидии...

- *Cozze ripiene*, – предложил Ренато, зная наизусть почти всё меню. – Это очень вкусно!

- Что это? – поинтересовалась Альбина.

- Мидии фаршированные, – ответил ей муж, как раз открыв меню на странице с морепродуктами.

- Рекомендую «*Filetti di sogliola alle melanzane*», – с придыханием сказал подошедший официант.

- Это филе камбалы с баклажанами, – перевела Нелли.

- Пожалуй, я соглашусь, – сказала Альбина.

- А мне каких-нибудь макарон и мяса побольше к ним в

соусе. О, «Pappardelle, с ragu из кролика, сезонными овощами и сыром». Название конечно очень весёлое, – еле сдерживая смех сказал Артур.

- Название пасты от слова «rappare», что означает «есть с большим удовольствием», – тут же объяснил официант.

- Отлично! Несите!...

Ренато не мог оторвать взгляд от Альбины. Сегодня она была ещё более солнечной, яркой, огненной. Ей очень шёл малахитовый цвет брючного костюма свободного кроя, волосы были заплетены в косу. Красивые длинные пальцы с коротким маникюром; белый, почти мраморный оттенок кожи рук, сквозь которую проступали бледно-голубые тонкие вены. Из украшений только обручальное кольцо и золотые пусеты с изумрудами. Ренато уже представлял Альбину на фоне заката, когда от солнечного диска осталось меньше половины. Лёгкий бриз, тихий плеск волн, одна из которых докатывается до ног и уходит обратно в море, тянет за собой... Девушка манит Ренато рукой, прикрыв другой маленькую грудь, на бёдрах у неё шифоновый платок бирюзового цвета. Волосы струятся, их ласкает ветер, касаясь шеи и плеч. Лёгкие заполняются солёным морским воздухом до краёв, и ты выдыхаешь его понемногу, чувствуя вкус йода на губах, и... запах грибного соуса. Официант как раз принёс заказ и поставил перед Ренато тарелку, на которой дымилась паста, щедро политая белым грибным соусом. Он вышел из минутного забытья, потрянул головой отгоняя видение. Кажется ни-

кто даже не заметил его ступора, потому что Артур увлёкся описание своего нового архитектурного проекта.

Ели молча, кажется напрочь забыв зачем собрались. Ренато одобрительно кивал, и периодически закрывал глаза, получая гастрономическое наслаждение сродни экстазу. Он заказал, как и Нелли, пасту *Campanelle* и пожалел, что только одну порцию, зная прекрасно, как готовит Бартоломео. Мысли о еде сменялись поиском подходящего повода пригласить Альбину с мужем к себе домой. Ах, если бы они были сейчас в Италии, в его любимой маленькой «*La Trattoria Del Leone*» в Урбино, где за один ужин можно выяснить, чем вообще кормят в этом регионе. Но невозможно подобрать русские слова к итальянским блюдам и передать вкус нежнейшего кроличьего мяса, мягкого сыра «*casciotta*», колбасок из Фонте-фельтро, яичной пасты «*passatelli*» и поразительно вкусного хлеба.

На десерт подали «*Affogato*» – шарик мороженого в горячем эспрессо; и фрукты. Нелли была довольна, всё казалось бы удачно складывается, и даже Ренато понял, что с Альбиной у него, кроме работы, ничего больше не выйдет. С Артуром она не так уж давно и у них явно ещё продолжается медовый месяц. Нелли вспомнила, что месяца три назад, ей пришло приглашение на свадьбу, но она была занята собственным разводом и смогла поздравить их только по телефону.

- А кроме Сицилии, вы где-то ещё были? – спросил Рена-

то, продолжая искать повод пригласить пару к себе в гости. Он, в отличие от Нелли, не видел никаких препятствий для более близкого знакомства с Альбиной. И пусть она по уши влюблена в своего архитектора, но чем чёрт не шутит. В Италии бы ему никто не запретил делать открыто комплименты понравившейся женщине.

- Я-то был, – откинувшись на спинку стула, ответил Артур. – Север Италии несколько раз объездил: Венеция, Милан, Падуя, Виченца, Алессандрия, Турин, Асти, Альба. Кстати, Альба – это отдельная история. Года четыре назад, осенью, я попал на ярмарку трюфелей. Вы не поверите, друзья, охота с собаками по лесу, за этими неприметными грибами – это нечто! А сколько туда известных шеф-поваров съезжается, у-у-у! А Пьемонтские вина?! – Артур начал загибать пальцы перечисляя марки: Бароло, Барбареско, Асти, Гави...

- Мне приятно слышать, что вы знаток итальянских вин, – с улыбкой сказал Ренато, довольный тем, что повод нашёлся сам собой. – У меня дома есть небольшая коллекция вин и я хочу пригласить вас в гости... Давайте продолжим вечер в домашней обстановке, выпьем вина? Можно будет сделать несколько фото или набросок для портрета, вы же не передумали? – он мельком глянул на Альбину.

Артур посмотрел на часы, потом на жену, та пожала плечами.

- Мы в принципе не против, – согласился Артур.

- Так, стоп, стоп! – возмутилась Нелли. – Куда вы собрались, дорогие мои? Сейчас организуем вам самое лучшее вино! Представьте, что вы в Италии, в уютном ресторане, разве тут не уютно? Разве принято вставать и уходить вот так вот? У нас лучшая карта вин в городе, между прочим!...

- У тебя самое лучшее итальянское вино, кто спорит, Нелли? И мы пили сегодня его величество барбареско, в Италии говорят, что это королева вина. Но есть ещё король – бароло, – восторженно произнёс Ренато. – Бутылочка Бароло Каннуби Сан Лоренцо, две тысячи девятого года, от Черетто! Как вам такой вариант? – он посмотрел на Артура.

- О, это один из крупнейших винных домов в Пьемонте, – с нескрываемым восторгом произнёс тот. Артур любил вино и был его настоящим ценителем, попеременно тяготая, то к французским, то к итальянским винам.

- Очень рад, что вы разбираетесь, очень! Заодно посмотрите, как живут итальянские художники в России... Нелли? – Ренато поцеловал ей руку, а потом накрыл её ладонь своею. – Поехали, пожалуйста... Ты ведь теперь можешь? – он намекал на то, что она уже разведена и ревнивый муж не будет искать её по всему городу.

- Да, чёрт с тобой, поехали! Давно не была у тебя в гостях. Вечер продолжился под стук дождя в лобовое стекло, пока они не приехали в квартиру, которую снимал Ренато. Чистота и уют поразили не только Артура и Альбину, но и Нелли. Она действительно давно не была тут, не потому, что не

хотела – просто всё как-то не получалось. И пока они ехали от её ресторана к дому, где жил Ренато, она пребывала в некой прострации, потому что почувствовала сегодня лёгкий укол ревности. Но представить себя в роли музы художника, пусть и хорошо ей знакомого, Нелли не могла или просто не хотела допускать такой мысли. Ренато в самом расцвете сил, полон и переполнен вдохновением, а её время упущено, хотя рядом с ним она чувствует себя его ровесницей. Но он легко увлекающийся мужчина, ему нужен постоянный прилив: дофамина, серотонина, эндорфинов, словом – всех гормонов удовольствия. А ей хочется покоя и тишины...

Квартира Ренато поразила сразу всех, Нелли действительно давно не приезжала сюда, и не знала, что её горячо любимый друг сделал косметический ремонт на первом этаже. Бабочки, бабочки, кругом бабочки, на картинах в гостиной, там же, на мебели в виде стеклянных статуэток расписанных цветной эмалью, зажимы на шторах, и те в виде этих порхающих насекомых. Сама комната была в серых тонах, даже потолок окрашен в тёмно-серый цвет, что визуально делало его выше и просторней.

- Потрясающе! – вырвалось у Альбины. – Потолок растворяется в вышине. Кто ваш дизайнер? Что-то подобное я видела в февральском каталоге дизайна от «Номе». У вас прекрасный вкус!

- Спасибо, – Ренато вновь был доволен. – Это я сам всё тут – мои идеи, мои цвета, мои мысли, но работали конечно

же мастера.

- Если бы не цветные бабочки, в этой серости можно было бы утонуть, как в тумане, – сказал Артур тихо, так, чтобы его слышала только стоящая рядом жена.

- Ну что ты, милый, это самый модный сейчас цвет, – шепнула она, повернув к нему голову. – Знаешь, на психическое состояние человека серая палитра действует успокаивающее. Активным людям очень подходит, помогает расслабиться.

- Я не то чтобы против, просто предпочитаю классику и хочу видеть белый потолок. А так ничего, мне нравится.

Ренато включил негромко музыку, из колонок зазвучала итальянская мелодия, запела Орнелла Ванони свою знаменитую «Alta Marea». Он был рад, что Лина не настояла и не взяла ключи, и что в доме чисто. По крайней мере в гостиной, на кухне и даже в спальне, но туда никто и не рвался заглянуть. После истерического припадка его королевы амазонок, губная помада на зеркалах с трудом оттерлась. Ренато пришлось самому заняться их очисткой, не хотелось, чтобы интимные художества увидела его помощница по хозяйству. Женщина приходила два-три раза в неделю и наводила порядок, за редким исключением ей позволялось немного убрать наверху, под пристальным присмотром самого Ренато.

- Прошу вас, присаживайтесь, – предложил он гостям. – Тут есть ещё второй этаж, там моя мастерская и фотостудия, но мы позже посмотрим, а пока обещанное вино, и очень

вкусный сыр. Вот, пожалуйста: Капельманьо и Горгонзола, прошу. Но я хочу услышать ваши отзывы о вине, друзья мои...

- Если бы я не был на вашей выставке, Ренато, то подумал бы, что вы винодел, – сказал Артур усаживаясь на удобный огромный диван, забрав пузатый бокал на длинной тонкой ножке. Глубокий рубиновый цвет вина притягивал взгляд. – Раз уж мы так неожиданно оказались у вас в гостях, что нам мешает перейти на «ты»?

- Ничего! Я сам хотел предложить то же самое. Чин-чин! – Ренато поднял бокал вверх.

- М-м-м, какой аромат, – восхитился Артур. – Что там? Чёрные ягоды, лепестки розы, фиалки...

- И спелые красные фрукты, – добавила Нелли, прекрасно разбираясь в винных ароматах, прожив столько лет с виноделом.

- А вкус? Вкус? – Ренато хотел эмоции, он ждал восторга и восхищения, и сидел, как опытный энтомолог с сачком, в надежде поймать хотя бы одну редкую эмоцию-бабочку.

- На вкус очень мягкое, даже бархатистое вино, – выдала Альбина. – Ещё я чувствую вкус вишни, совсем-совсем спелой.

- Perfetto! Превосходно!

- Ренато, ты лучше расскажи нам, в каком образе ты видишь Альбиночку? – перебила его Нелли, решив перевести разговор на основную тему, ради которой они договорились

встретиться.

- Да, хорошая мысль! – подхватил Артур. – Ренато, у тебя есть идеи? Мы к сожалению завтра уезжаем, но Аля сможет приехать. Договоримся же?!

- Идея есть, немножко смелая, но красивая. Я, как только увидел Альбину, перед глазами возникла картина Боттичелли.

- Уж не «Рождение Венеры» ли? – Артур поставил бокал на стол и с любопытством посмотрел на жену, потом на Ренато, тот кивнул. – И как, без одежды что ли?

- С такими длинными волосами одежда не нужна! Кто мешает нам... мне, написать Альбину как богиню Венеру, но только добавить изюм?

- Изюминку, – поправила его Нелли, и все дружно расхохотались. – Ой, он как скажет что-нибудь, хоть стой, хоть падай! – сквозь смех добавила она.

- Да, я иногда сам не понимаю, как такое получается. Пойдёмте наверх, там много картин, можете выбрать себе что-то, и я готов вас всех сфотографировать, если хотите? – предложил Ренато.

В отличие от гостиной, второй этаж напоминал музей современного изобразительного искусства объединённого с фотостудией, и костюмерной небольшого театра.

- Охренеть! – вырвалось у Артура. – Ренато, дружище, это какой-то храм всех искусств сразу! И витражные стёкла отлично сочетаются со всем этим, – он развёл руки в стороны,

указывая на предметы вокруг. А как же погода за окном – не интересует?

- Не хочу знать как быстро уходит время, когда я работаю. День, ночь, зима, лето, год, два – мне всё равно. Но одно нормальное окно я оставил, оно там, – Ренато показал на бархатную тёмно-серую портьеру в дальнем углу. – Можно открыть, это панорамное окно, я люблю иногда смешивать естественное освещение и искусственный свет, получаются очень красивые фотографии. Жаль, уже ночь, можно было бы в той зоне поработать.

- Да тут и без панорамного окна есть где разгуляться: несколько зон, и каждая со своим интерьером и фоновыми стенами, похоже на смену кадров в фильме.

- Да, пять зон и везде можно поменять фон, он тканевый, любой цвет есть. А вот там стена под кирпич, я очень люблю её, можно граффити сделать, потом закрасить.

- А все эти вспышки, стойки с моноблоками... Альбина, где ты, ангел мой, иди сюда! – Артур подошёл к огромному открытому гардеробу с одеждой разных фасонов, и даже разных эпох. Наиболее объемные платья и костюмы висели рядом, в полиэтиленовых прозрачных чехлах на длинной передвижной вешалке-стойке.

- Мы тут картины нашли! Можно посмотреть? – спросила Альбина откуда-то из-за декоративной колонны.

- Конечно! Выбирайте любую!

- А почему они не на стенах?

- Те, что вы нашли, это с прошлой выставки... всё что осталось. Идите сюда, я буду вас фотографировать!

- Ой, а можно мне вот эту картинку, Ренато? – Альбина с трудом, не без помощи Нелли, вытащила холст с морским пейзажем, в красивой тонкой раме.

- Oh, santa Madonna! Да, да, конечно, не надо спрашивать даже.

- Спа-си-бо. Как тебе, милый?

- Айвазовский отдыхает, ангел мой! Но как мы её пове-
зём?

- Как и большие фотографии с выставки – в фанерном ящике!

- Умная женщина, – кивнул Артур в сторону жены, обращаясь к Ренато. – Всегда любил умных женщин, а эта ещё и красивая.

- Да, тебе повезло, – он взял в руки свой профессиональный фотоаппарат и сделал несколько кадров пока Нелли и Альбина шли к ним. – Стойте! – Ренато слегка присел. – Хорошо. Улыбнитесь, синьоры... Спасибо. А теперь идите вот в эту зону, я сейчас настрою свет...

Спустя почти час Артур посмотрел на часы.

- О-о-о, друзья-товарищи, начало первого ночи. Аль, нам рано вставать, ты помнишь? Нелли, ты можешь вызвать такси?

- Нет, нет, мы ещё не договорились о портрете, – вспомнил Ренато. – Я настаиваю на образе богини Венеры.

- Созвонимся, дружище! Альбиночка, это шляпка тебе очень идёт, но нам пора, ангел мой.

- Машина будет через семь минут, – сказала Нелли, получив сообщение от диспетчера такси.

- Ты с нами? – спросил её Артур.

- Мне в другой конец города, моё такси приедет чуть позже.

Нелли хотела остаться, чтобы поговорить с Ренато, и громко выдохнула, когда за Артуром с Альбиной закрылась дверь.

- Ну слава богу! Боже, как это утомительно...

- Ты про гостей?

- Я про фотосессии! Встаньте так, встаньте вот так, поднимите голову, опустите руки, улыбнитесь, присядьте, дышите, не дышите, замрите, умрите, воскресните...

- Я такого не говорил, Нелли, и ты не очень-то хотела фотографироваться. А Альбина получилась хорошо, она умеет позировать... Она красивая, яркая... Она...

- Ре-на-то, алё! – Нелли сделала несколько щелчков пальцами у него перед глазами. – Ты не можешь себе позволить в неё влюбиться, слышишь? Она за-му-жем, понимаешь?

- Почему ты так переживаешь? Пошли, я налью тебе вкусного вина и мы спокойно поговорим... Я не собираюсь её насиловать, – сказал он, доставая чистые бокалы и выбирая вино на свой вкус. Но то, что сейчас у меня тут и тут, – Ренато похлопал ладонью по груди и животу, – это мне нравится.

Ты же меня знаешь, если она не захочет, я никогда не переступлю границу. Ты садись, и скажи мне – на какую бабочку она похожа, а? – он подал Нелли бокал опустившись на одно колено рядом с её креслом. Это было очень трогательно, по-домашнему, и в то же самое время, очень галантно.

- Я уже об этом думала, пока мы перебирали твои картины. Кстати, я там одну заметила себе.

- Можешь забрать все, я буду очень счастлив.

- Ладно, возьму парочку. Все мне девать просто некуда, только если купить квартирку побольше. Слушай, где мой телефон, я тебе сейчас покажу бабочку, она тоже из нимфалид.

- Минуточку, я поищу... А как называется бабочка?

- Юнония алмана. Ты сумочку мою найди, она в прихожей, кажется. Хотя, нет! Я же такси заказывала, значит телефон должен быть где-то тут.

- Потом найдём... Ты возьми мой.

- Спасибо, дорогой... Вот, смотри, сейчас покажу – это она, юнония алмана, а есть ещё, похожая бабочка – павлиний глаз. Тебе какая больше нравится?

- А в чём разница?

- У первой огненно-рыжий окрас, а у второй ближе к кроваво-красному, но и у той и у другой большие пятна похожие на глаза.

- Мне нравится первая, а вот это что? – Ренато показал на соседний снимок другой, не менее красивой, бабочки.

- Это цетозия библис, но она ядовитая, мой золотой...
Смотри, отравишься.

- Очень хорошо... Очень! Хочу отравиться! Расскажи мне про неё, почему «библис»? Библис, библис – это же город?

- Пра-авильно, на берегу Средиземного моря, древнейший финикийский город, только сейчас это территория Ливана и название у него другое – Джубейль.

- Так бабочка оттуда что ли?

- Не-е-е, всё намного проще. Слово «библия» – это книги, от греческого «библион» – книга, а «библос» – это папирус, который делали в городе Библисе. По-мне так очень логично, дать городу название того, что там производят, – сказал Нелли. – Теперь посмотри на бабочку: сверху у неё оранжево-красный цвет, а края чёрные, как будто она подлетела близко к огню и они обгорели. А снизу крылья чёрно-бело-оранжевые, с множеством зигзагов, как арабская письменность или персидский ковер, арабеска.

- Арабеска? Да, я знаю! Джованни да Удине – ученик Рафаэля, помогал ему расписывать собор, лоджии в Ватикане, и там на фресках такой орнамент.

- Орнамент, – поправила его Нелли. – Значит ты понял, о чём я?!

- Beh, certo! Ti sembra uno stupido? (*итал. Вот чёрт! Я по-твоему похож на дурака?*) У бабочки рисунок арабского письма из старинных книг.

- Почему сразу на дурака, Ренато? Ты спросил, я ответила,

откуда у слова «библис» ноги растут.

- Давай без ног, Нелли! Я не люблю, когда ты начинаешь так далеко...

- Издалека, радость моя. Какой же ты смешной, особенно когда злишься, и начинаешь путать слова, – она потрепала его по голове. – Кудряшка-кучеряшка ты мой! Значит тебе нравится эта бабочка, да?

- Да, она очень похожа на Альбину.

- Ага, на книгу, которую хочется прочитать, лучше скажи. Но для начала эту книгу открыть надо, Ренато. Если там окажутся только детские картинки внутри и какие-нибудь каракули, или наоборот – философский трактат...

- Я не понимаю, Нелли, давай без метафор и аллегорий, пожалуйста, у меня голова не работает ночью. Мой переводчик спит уже, – он засмеялся от собственных слов.

- Хорошо, раз ты устал, то я поеду домой. Поздно уже! Картины потом заберу, ладушки? Завтра дел полно, такси вызовешь мне? – Нелли встала и, сладко зевнув, потянулась. – Хорошо тут у тебя, спокойно как-то, я бы даже сказала умиротворительно.

- Оставайся... Можешь переехать жить, я буду очень рад.

- Давай уже сразу и замуж меня возьми, я теперь женщина свободная. Ой, кстати, а ты знаешь, что библис – это ещё и очень красивое австралийское растение, но хищное – ест насекомых. Так что имей в виду, – она пригрозила ему указательным пальцем.

- Я не насекомое!

- Тоже верно... Где такси моё? Ты вызвал? Адрес мой новый знаешь?

Ренато замотал головой и протянул ей свой телефон.

Спустя десять минут Нелли уже спускалась к подъехавшей машине. Что-то изменилось в их с Ренато отношениях или она начала смотреть на него иначе. А может всё дело в том, что ей впервые пришлось присутствовать при его знакомстве с очередной музой? Нелли конечно же не собиралась ничего менять в своей жизни, особенно заводить серьёзные отношения с итальянцем. Да и какие могут быть отношения? Все эти шуточные разговоры о сексе, не больше чем пустые слова: и его страстная любовь к ней, и её желание отдаться ему как в последний раз. «Нет, нет, нет! Пройдёт немного времени, пусть год или даже два, а может и пять лет, и разница в возрасте между нами будет видна ещё больше. Пусть лучше остаётся всё как есть, и нечего тут даже думать, - умозаключила Нелли. – Сама же придумала эту ассоциацию с бабочками, чего теперь злиться? Только если, не дай бог, у Ренато с Альбиной закрутится роман, а Артур узнает... Мало не покажется никому! Ох, не дай бог, не дай бог!»

Неделя пролетела почти незаметно и к выходным даже дожди устали идти, и уступили место солнышку. Настоящее весеннее солнце, под лучами которого так и хочется крикнуть: «Привет весна! Здравствуйте птички, листочки, букашки, и конечно же бабочки!» Одну из таких, ранневесен-

них бабочек-крапивниц, а в народе прозванных «шоколадницами», за хрупкость крыльев, увидел с утра Ренато. Он спешил, сегодня был последний день его выставки, хотелось успеть всё закончить, а тут она, порхает себе беззаботно. Её красновато-оранжевые крылья были покрыты большими чёрными пятнами разделёнными жёлтыми полосками. Края с небольшими зубчиками обрамлялись маленькими голубыми пятнышками в виде полумесяцев. Бабочка пролетела совсем близко от Ренато и он застыл, не успев открыть дверь машины, наблюдая за её волнообразным парением. Вот она – лёгкость и красота созданная самой природой. От умиления, весенней теплоты замешенной на ультрафиолете, защеколало где-то в районе живота. Новая бабочка, внутри него, расправила крылышки, полетела к сердцу и выпорхнула из груди наружу, чтобы догнать улетающую «шоколадницу». Наверно это и есть счастье, когда чувствуешь себя частью этого мира, и можешь забыть обо всём на свете...

Звонок мобильного вывел Ренато из созерцания.

- Как дела у художника? – пожелав доброго утра спросил Артур. – Когда в Москву сможешь приехать?

- А разве Альбина не приедет сюда?

- Да дел полно, а у неё день рождения через месяц. Вот я и решил, может мы как-нибудь договоримся? Я все расходы беру на себя и за портрет плачу двойную цену... Решайся!

- Хорошо, мне нужно несколько дней, а потом...

- Отлично, значит на среду я бронирую тебе билет на са-

молёт. Остановишься у нас дома, места много, заодно по-смотришь, как живут русские архитекторы в России.

Лина позвонила едва Ренато закончил разговор с Артуром.

- Аллю, привет, ты скоро?

- Уже еду, – ответил он как можно мягче, решив для себя, что с окончанием выставки их с Линой отношения всё-таки надо будет прекратить.

- Меня приглашают в Москву, Ренатик! Мне надо с тобой посоветоваться. Жду тебя на выставке!...

Такой возможности упускать не стоило. Лина бы сама никогда не ушла от такого хорошего во всех отношениях художника и Ренато уже внутренне готовился к скандалу.

- Рекламное агентство приглашает меня рекламировать известную марку часов, представляешь? – тараторила девушка, едва они встретились. – Я так хотела в Москву, так хотела!

- А как же твоя работа? Как это называется... Менеджер?

- Я ивент-менеджер, Ренатик. Профессиональный организатор деловых, торжественных, развлекательных встреч или событий, но в этом городе мне негде развернуться, понимаешь?

- Понимаю, а зачем тебе рекламировать часы?

- Да мне всё равно что рекламировать – хоть часы, хоть матрёшек, хоть свечи от геморроя, главное – засветиться! Новые знакомства, а там и по профессии можно будет найти

работу. Если тебе нужна будет помощь в организации выставок в столице, ты будешь знать к кому обращаться. Да, милый? – она положила ладонь ему на грудь, в районе солнечного сплетения.

- Santa Madonna! Я тут при чём?

- Ну-у, мы как бы вместе... Или нет? Ладно, можешь не отвечать, ты после той своей встречи во вторник, с каким-то «большим» человеком, сам не свой. У нас даже времени не было поговорить. Всё, прошла любовь, завяли помидоры?

По удивлённому выражению лица Ренато Лина поняла, что последняя фраза была лишней.

- Всё время забываю, что ты не русский. Прости! Забудь про помидоры, и скажи мне прямо – ты меня отпускаешь в Москву?

- Ты можешь ехать, выставка сегодня заканчивается, и у меня много работы. Новый заказ...

- Я поняла, поняла! Значит всё?... Что ж, мой номер ты знаешь. Я тогда поеду, ты как-нибудь тут без меня закончишь выставку?...

Нелли позвонила поздно вечером. Ренато работал в мастерской, готовил холст, перебирал кисти, подбирал краски...

- Ты когда собирался мне сообщить про Москву, золотце моё? Артур мне позвонил и поделился этим радостным событием.

- Ты хочешь поехать со мной?

- Ещё чего не хватало! Я вот только свечку вам ещё не держала, а так уже всё сделала!

- Какую свечку, Нелли? Я не собираюсь венчаться, я художник!

- Художник, чертёжник, сапожник, картёжник – у всех у вас одно на уме! Если, ни дай бог, ты обидишь Альбину, я перестану с тобой разговаривать, слышишь?!

- Хорошо, мамма! – решил разрядить обстановку Ренато и назвал Нелли мамой.

- Да ну тебя!

Артур, как и обещал, встретил Ренато в аэропорту и пока они ехали к дому, он рассказывал ему о столице и её архитектурных памятниках:

- Можно конечно потратить хотя бы один день и устроить тебе экскурсию по городу, но мне срочно нужно уехать завтра с утра. Без меня, чувствую, не разберутся... Очень проблемный проект взяли, я ведь не просто архитектор, я ещё и эксперт, понимаешь?

Ренато кивнул, рассматривая высотки за окном.

- Во-от, а мне, значит, приходится контролировать деятельность архитектора и главного архитектора проекта, проводить экспертизу проектной документации... Ну, ты же не на один день здесь? Я вернусь через неделю, а может и раньше. Ещё успеем нагуляться.

- Успеем, – спокойно ответил Ренато, мысленно молясь и благодаря всех святых, за возможность остаться с Альби-

ной наедине. Он правда пока не представлял себе, насколько большой дом его ждёт и сколько там прислуги.

Артур уехал с утра пораньше, поцеловав жену в щёку. Вечером они душевно посидели, обсудили будущий портрет и все детали вместе с Ренато. Альбина, с разрешения мужа, согласилась позировать ню –прикрыть наготу распущенными волосами.

День обещал быть солнечным, за окнами вовсю чирикали воробьи делясь с миром своим весёлым весенним настроем. Всё буквально пело вокруг, даже лёгкий ветерок, влетающий в несколько открытых окон огромного старинного особняка будто подмурлыкивала что-то в ответ птицам. Ренато вышел на балкон и вдохнул ароматный, наполненный свежестью воздух. В небольшом саду начала распускаться сакура. Нежно-розовый цвет раскрытых соцветий со светло-вишнёвой серединой, показался ему ареолами сосков юной девушки. Он представил себе, что у Альбины должны быть такие же нежные, красивые сосочки. Её бархатная, почти молочно-го цвета кожа с перламутровым блеском, при каждом поцелуе будет оставлять на губах кисловатый вкус спелой вишни, с примесью ванили, бергамота и сандалового дерева. Ренато облизнулся предчувствия сегодняшнее событие, и как удачно сложилось всё, ещё и Артур уехал. Он вернулся в свою комнату и принялся раскладывать вещи.

Альбина проснулась поздно. Внутри неё ликовал новый день свободы и независимости, и ещё чего-то необъясни-

мо хорошего, что должно было непременно случиться. Она тщательно привела себя в порядок, надела лёгкое хлопковое платье с крупным цветочным принтом. Раскрытые оранжевые бутоны лилий на белом фоне смотрелись очень свежо и воздушно, будто бы кто-то невидимый рассыпал цветы по белоснежному облаку-платью.

В столовой был накрыт завтрак, суежилась помощница по дому ожидая прихода хозяйки. Ренато сидел в кресле у окна и листал газету, отказавшись завтракать один. Как только Альбина появилась в столовой он тут же вскочил и направился к ней, чтобы поцеловать руку. От смущения она слегка покраснела и естественный румянец на щеках сделал её ещё привлекательнее.

- Почему ты не завтракаешь? - спросила Альбина. – Только не говори, что ждал меня?

- Я именно это и хотел сказать, сеньора. – Честно говоря, подумал, что вы уже куда-то уехали и забыли про встречу.

- Как я могла?! Я специально отодвинула все дела на вечер, чтобы мы могли спокойно поработать. Я не знаю, как назвать это по-другому, просто мне впервые придётся позировать художнику... Присаживайся за стол, надеюсь от кофе ты не откажешься?

- С удовольствием выпью, спасибо, – сказал Ренато, как истинный галантный итальянец, привыкший с рождения, что в Италии *prima la donna*, что означает «женщина – впереди». Жизнь в России немного испортила это понятие, рус-

ские женщины, в отличие от итальянок, сами готовы были виться вокруг мужчин. Ренато это не очень нравилось, только если женщина не была настолько соблазнительна и внешне, и внутренне, чтобы он не смог устоять. А иначе его ничем нельзя было подкупить.

- А ты всегда такой джентльмен? Или это понятие про англичан, а в Италии галантных мужчин называю иначе? – поинтересовалась Альбина.

- Всегда, можете не сомневаться!

- Тогда маленькое уточнение, мы вроде бы на «ты» с момента посещения твоей квартиры?

- Да, конечно, но это чисто из уважения к тебе, как это говорят – вырвало.

- Вырвалось, – засмеялась Альбина.

- Да, точно – вырвалось! – Ренато расплылся в улыбке, зная прекрасно, что всё делает правильно: и ошибается умышленно, и ведёт себя по всем правилам этикета. Даже его любимая Нелли до сих пор не раскусила эти оговорки в окончаниях, списывая всё на итальянский темперамент и то, что русский не его родной язык. Каждая такая оговорка – это своего рода сачок в который попадалась та или иная бабочка. Позитивные эмоции, помогающие наладить более близкое общение, раскрепостить собеседника, а дальше всё пойдёт как надо.

Ренато отпил немного кофе, громко восхитился его ароматом и вкусом, и стал рассказывать, что в Италии все муж-

чины джентльмены, а точнее – «gentile», слово, производное от «gentilezza», что означает «доброта». Вот только gentile намного более обширное понятие, тут и мягкий, и ласковый, и нежный, и любезный... Это стиль общения мужчины, его манера говорить, ухаживать, одеваться и даже заниматься любовью. – Gentile – стиль жизни итальянца, – гордо умозаключил он.

- А как же дольче вита? – вспомнила Альбина знаменитую на весь мир итальянскую фразу.

- Сама жизнь в Италии, и я, как представитель её центрального региона, могу сказать – да, жизнь без сомнения будет сладкой, если ты научишься любить то, что имеешь. Но я считаю себя счастливчиком, Альбина, потому что и святые заступники, и природа, и те же древние римляне, потом художники эпохи Возрождения, гении неореализма – любили и одарили Италию слишком щедро.

- Ты так сладко это рассказываешь, что мне самой захотелось поехать туда ещё раз, – искренне сказала Альбина. – Да, действительно, такой страной надо наслаждаться и любить в ней жить.

- Что все люди там и делают, – добавил Ренато. – Наслаждаются безответственно и безлимитно всем, ставя на первое место позитивные эмоции, ловя их во всём. Это радость от первого солнечного луча, от рассказа о том, что сегодня на обед съел твой сосед... Да, у нас так, вечные разговоры о еде, погоде, одежде, футболе...

- А можно вопрос, Ренато? Почему ты в России тогда живёшь?

- Зов крови, я же рассказывал вчера вечером, что моя прабабушка была русской.

- Ах, точно!

- Может пойдём? Мне всё-таки не терпится начать писать картину, уже почти полдень. Это прекрасное время, яркий дневной свет...

- Ой, уже?! С тобой так приятно болтать, что я забыла истинную цель твоего визита. Тебе обязательно надо начать писать книгу об Италии – это так увлекательно слушать, а значит и читать будет интересно.

- Правда? О, Мадонна, это так приятно слышать, я обязательно подумаю над этим, но откровенно признаюсь – пишу я гораздо хуже, чем говорю.

Зимний сад, куда привела Альбина Ренато, был полон пёстрой насыщенной зелени, различных сортов роз, всевозможных экзотических растений и яркого солнечного света.

- Mamma mia, che bello! – восхитился Ренато и тут же повторил фразу на русском. – Мама моя, как красиво!

Альбина заметила большой холст на мольберте вдалеке у декоративного фонтана и поняла, что Ренато здесь уже был. Он уловил её взгляд и тут же сказал:

- Кто-то из вашей прислуги любезно помог мне и сам принёс сюда всё, что я приготовил для работы.

- А, это наш садовник, дядя Миша. Он единственный, кто

сюда может зайти.

- Я покорён красотой этого сада, как и хозяйкой дома, – Ренато остановился у одного из цветущих деревьев и не смог отвести взгляд. Альбина встала рядом.

- Это делоникс царский, – начала она. – Полувечнозелёное дерево с Мадагаскара. Конечно, его не привезли сюда так, – она показала на объёмную деревянную кадку с землёй. – Артуру подарили семена, а сеянцы зацвели спустя только восемь лет.

- Ого! – Ренато залюбовался широкой куполообразной кроной сплошь покрытой крупными красными цветами, каждый из которых в диаметре был больше десяти сантиметров.

- Цветы распускаются с весны до лета. Вообще это огромное дерево, может вырасти под десять метров в высоту, но тут вряд ли – климат всё-таки другой. Артур очень любит здесь гулять, думать, придумывать новые проекты, – Альбина на секунду задумалась. Казалось, она напрочь забыла обо всём на свете с появлением Ренато. Он окунул её в новые эмоции, увлёк рассказом о своей родине и ей совсем не хотелось избавиться от его присутствия. Альбина была из тех людей, кто любит одиночество и свободу, уединение и тишину. Артур стал для неё идеальным мужем, которого никогда нельзя было застать дома у телевизора, а уж тем более распивающего с друзьями пиво на кухне. Их редкое совместное времяпрепровождение делало быт весёлым и уют-

ным, радостным и лёгким. Оба трудились в своё удовольствие, каждый с головой уходил в собственные проекты, а когда встречались, то с большой благодарностью за понимание любили каждую минуту проведённую вместе. Альбине было хорошо рядом с мужем, но не менее прекрасно она чувствовала себя, когда он куда-нибудь уезжал по работе.

- Где ты хочешь позировать? – спросил Ренато, хотя сам уже выбрал место у больших красивых цветов, издалика похожих на гроздь розового винограда. Альбина подошла ближе и одобрително кивнула.

- Мои любимые цветы, они из Филиппин. Мединилла великолепная – так называется это растение и в природе оно эпифит.

- Что такое эпифит?

- Ну это когда одно растение живёт на другом, но при этом не паразитирует.

- Чем тогда оно питается?

- Как чем? Влагой из воздуха, дождевой водой, росой, углекислым газом и даже птичьим помётом. Между прочим орхидеи тоже эпифиты, ещё папоротники, мхи, и лишайники, – многие растения в тропиках живут только так.

- Откуда ты всё это знаешь? – поинтересовался Ренато, мысленно уже представив Альбину обнажённой, и стоящей вполборота у красивого экзотического цветка.

- Мне интересно, к тому же многие растения имеют таблички с названием, вот глянь!

И действительно, Ренато только сейчас заметил аккуратные надписи на небольших пластинах. Ему некогда было смотреть вниз, вокруг всё благоухало и было наполнено сочностью красок, во всех смыслах. Для полноты ощущений не хватало пару-тройку экзотических птиц и больших пестрых бабочек.

- Хочешь вина? – неожиданно предложил Ренато, понимая, что просить Альбину скинуть платье и всё что под ним, в данный момент будет выглядеть как принуждение.

- Да, я бы выпила пару глоточков.

- Прекрасно, сейчас принесу! Я привёз с собой...

- Не надо, стой! У нас тут мини-бар имеется. Идём! – она повела его по узенькой дорожке вглубь зимнего сада. Ренато шёл покорно, ощущая ненавязчивый шлейф её духов, лёгкий как настоящее кружево. Аромат невесомой сладости с цитрусовыми акцентами очень подходил Альбине, сочетался с её нарядом и образом в целом.

Выпив по глотку сухого красного вина, они невольно улыбнулись друг другу.

- Отличное тосканское вино! У тебя прекрасный вкус, это хороший выбор, – смотря на бокал, сказал он.

- Да, Артур большой ценитель итальянских вин. Тут правда ещё и французское вино есть, и виски, и водка, джин, и даже саке. Ты пил саке?

- Нет, – честно ответил Ренато.

- А я люблю, но открывать бутылку сейчас не буду, оно по-

том не больше двух недель может храниться в холодильнике. Но я настаиваю – попробовать надо! Можно будет съездить, в один из вечеров, в японский ресторан или вызвать шеф-повара на дом.

- Если ты настаиваешь, то можно, но одна просьба, пожалуйста.

- Да, конечно, – Альбина отпила ещё немного вина и чуточку расслабилась.

- Давай приступим к твоему портрету, у меня есть кое-какие идеи ещё.

- Ну конечно, конечно, – она схватила пузатый бокал за тонкую длинную ножку и, как показалось Ренато, упорхнула бабочкой в густую зелень. Он смело двинулся вперёд, за ней, как за добычей, ведомый своими инстинктами, ведь как говорят итальянцы: «In amore vince chi fugge», что означает – в любви побеждает бегущий.

Альбина допила вино и распустила волосы, собранные в хвост. Сняв платье, она осталась абсолютно голой и Ренат, заставший этот процесс, понял, что девушка была без нижнего белья. Если бы он это знал изначально, то вряд ли сумел находиться рядом не возбудившись. Вот и сейчас, даже когда Альбина прикрыла свою маленькую грудь и рыжий пушок на лобке своими роскошными длинными волосами, Ренато еле сдерживался, чтобы не начать думать о сексе. Здесь, в нежных тропических цветах и разносортной листве, под журчание воды в фонтанчике, как в райском саду, всё казалось со-

зданным для любви.

Альбина приняла молчание художника за размышление над её образом и покорно продолжала стоять у огромных листьев папоротника. Комфортная температура, насыщенный влажный воздух, сочетание запахов и цветов, – ей было уютно и нисколько не стыдно.

Ренато подошёл к холсту. Он напрочь забыл о том, что они обсуждали уже дважды с Артуром и сошлись на образе богини Венеры. Сейчас перед ним была Ева из Эдема, а он перед ней, как первый мужчина на земле. И совсем скоро, буквально через несколько минут, с ветви соседнего большего куста, похожего на яблоню, свесится змей-искуситель. А дальше будет предложение вкусить запретные плоды с дерева познания добра и зла, первородный грех, и они оба начнут делить свои поступки на добрые и злые.

Что-то срочно нужно было менять: либо фон, либо одевать Альбину, и Ренато решительно двинулся к ней схватив на ходу одну из рабочих кистей. В момент, когда до девушки остался лишь шаг, с листа папоротника скатилась капля росы, и упала прямо Альбине на кончик носа. Она от неожиданности тряхнула головой обнажив одну грудь. Следующая большая капля попала на ключицу и скатилась к ареоле соска, тот моментально отреагировал, и набух. Ренато обошёл девушку и встал за её спиной. Альбина почувствовала теплоту и лёгкую волну возбуждения внутри. Если бы он сейчас обнял её и прикоснулся к груди, она бы потеряла сознание

от неистового желания близости. Очередная капля попала на плечо и она невольно вздрогнула, как будто это была не вода, а поцелуй. В голове путались мысли, били тревогу строгое воспитание и моральные устои, а перед глазами всплывали картинки из девичьих грёз и тайных интимных желаний. Что же это за итальянец за её спиной, что за мужчина, который лишь стоя рядом может вызвать такой эффект внутри.

Ренато продолжал стоять решая: коснуться Альбины или оставить её так, в полувозбужденном состоянии и пойти наконец начать писать картину. Но как? Как оставить девушку неудовлетворительной – это всё равно что приготовить обед и не съесть, и даже не попробовать.

Кисть круглой формы с синтетическим ворсом пришлась как раз кстати и Ренато аккуратно коснулся ею спины Альбины между лопаток. Она лишь вздрогнула, но продолжила стоять, и это был хороший знак. Он провёл плавную линию вдоль спины до самого копчика, потом вернулся и направился к шее. Девушка слегка наклонила голову и закрыла глаза, погрузившись в неведомые ощущения полностью. Ренато поцеловал её плечо чувствуя как возбуждается сам. Кисть в его руке делала лёгкие мазки по декольте Альбины и обводила открытую грудь, касалась сосочка, возвращалась к шее, спускалась по плечу. Это было похоже на ритуальный танец шамана смахивающего кистью негативную энергию с девушки. Ренато описывал неторопливые круги вокруг, и сам, на короткие промежутки времени впадал в транс, шепча беско-

нечно комплименты на итальянском: cara, bella, bellissima, dolce, stella, bambina, amore mio, principessa, regina... Наконец его рука с кистью зависла в воздухе, ещё мгновение и он отбросил её в сторону, и наклонился, чтобы поцеловать ярко-розовый сосок. Рука коснулась талии, длинные волосы были плавно отодвинуты назад и теперь ничего не мешало ему целовать и ласкать вторую грудь.

- Что ты со мной делаешь? – застонала Альбина, когда он коснулся рукой её лобка и двумя пальцами начал плавно массировать клитор. Эта бабочка сдавалась без боя и Ренато смог контролировать себя. Она стонала прижавшись к нему всем телом, а он придерживал её за талию и продолжал ласкать клитор всё настойчивее, всё увереннее... Альбина вошла во вкус и принялась расстёгивать кожаный ремень на джинсах Ренато. Она хотела его всего, готова была принять, почувствовать внутри его возбуждённую плоть, и пусть всё летит к чертям! Пусть планета сойдёт с орбиты, они даже этого не заметят.

Вот только Ренато не торопился, у него перед глазами неожиданно возникла Нелли и пригрозила пальчиком. А рыжая бестия, проснувшись в Альбине, уже давно справилась с ремнём и расстегнула ширинку, выпустив на волю драгоценный мужской орган жизненной силы. По неумелому её обращению с ним Ренато подумал, что она занимается этим впервые, единственная деталька – Альбина была замужем. Судя по всему Артуру она досталась девственницей, а до

этого её воспитывали в монастыре, и сейчас Альбина хотела воплотить все свои девчачьи фантазии. Ах, если бы так, но Ренато эта мысль завела не на шутку. Он понял, что хочет её так безудержно и неукротимо, что у него зазвенело в ушах от напряжения и желания овладеть этой девушкой, женщиной, богиней...

Трель мобильного телефона вывела их двоих из состояния безумия и тут же привела в чувства. Судя по испуганному лицу Альбины, рингтон был ей хорошо знаком и выставлен скорее всего на звонок любимого мужа. Она метнулась за огромный вазон в сторону мини-бара. Ренато не особо расстроился, он в какой-то степени даже был рад. Ещё не хватало, чтобы Альбина влюбилась в него после секса. Он бы не смог не выложиться на все сто, не допустил бы, чтобы она не получила оргазм, а после ещё и ещё... Ренато умел любить, как все итальянцы, шептать комплименты и быть в высшей степени нежным, обольстительным, страстным, отдающим всю свою любовь, как будто рядом первая и последняя женщина в его жизни. И женщины это чувствовали, и жаждали, и надеялись, и мечтали, и верили, что это так. Нелли как-то сказала ему, что быть талантливым, а может быть даже и гениальным художником, и фотографом – это быть поцелованным богом. Так же, как быть талантливым поэтом, писателем, скульптором, режиссёром – женщина чувствует себя рядом с таким мужчиной избранной, а значит выше многих. И лечь в постель с талантом или гением – это как минимум

подарок судьбы, сопричастность к высшим силам, почти мистерия. Разве можно потом об этом жалеть?!

Альбина вернулась и стыдливо улыбнулась. Надев быстро платье, она попросила перенести написание портрета на раннее утро, и пожелав доброго дня, ушла.

Артур позвонил Ренато под вечер и попросил придумать какой-нибудь другой образ для его любимый жены, ибо она сказала ему, что стесняется позировать ню:

- Всё что угодно, дорогой друг, но в платье, а лучше бы в национальном русском наряде. Может, просто в деловом костюме, так, как она ездит к себе в офис? В общем, договоритесь там, а я вернусь на днях, – весело сказал Артур. – Тут всё оказалось не так уж и запущено, так что надолго не прощаюсь.

- Хорошо, пусть Альбина сама выбирает, я подстроюсь. До встречи!

Вот уж воистину женщина-загадка, цетозия библис, бабочка-книга, открытая, но никем до конца не прочитанная книга – просто потому, что язык в ней другой. Альбина так и останется самой таинственной из всех его бабочек. Она вернётся вечером, после работы и пригласит Ренато на ужин, и ни словом не обмолвится о том, что было в зимнем саду, в том райском саду, где их пронзил стрелой Амур и обняла богиня любви Венера. Там порхали над ними бабочки, вырываясь из душного плена скрытых глубин страсти. Альбина была благодарна Ренато за всё что содеялось и всё, что не

случилось. Возможно, когда-нибудь потом, через много лет, они встретятся и продолжат, но не сейчас, не в этом доме и не за спиной Артура. Как-нибудь, при случае, после долгих лет пути их дороги случайно пересекутся и вероятнее всего, это будет в следующей жизни.

Глава 5. Idea Leusonoe. Вита

Лето подходило к концу. У Ренато был творческий кризис. Наверное впервые за всю свою жизнь он так явно это чувствовал, что даже перестал радоваться вкусной еде, новой одежде, звонкам старых друзей из Италии. Приглашения на летние выставки художников, мастер-классы, фото-выставки... Участие в международном конкурсе талантливых фотографов, где он занял одно из призовых мест... И ещё много всего-всего, что должно было вдохновлять и побуждать к действию, оставалось где-то в стороне, шло и жило параллельно с Ренато. Это было физическое и сознательное участие, а ему хотелось полного погружения на глубину или в запредельный феноменальный мир.

Нелли пригласила его, после очередного телефонного разговора, на ужин в свой ресторан.

- Я не могу на тебя смотреть, мой дорогой. Ты похож на привидение! – сказала она, встречая его в зале. Сегодня в ресторане было мало посетителей, это ничем не объяснялось, просто: август, конец лета, сезон отпусков, середина недели...

- Привет, – Ренато чмокнул Нелли в обе щёки и тут же помог присесть, отодвинув стул.

- Ты становишься типичным русским занудой, мой хороший. Где твой темперамент, эти вот дирижёрские жесты!

ляции, несмолкаемая речь, слова восхищения моей красотой? Ты загрузил себя работой, а сам отчаянно ищешь чего-то другого.

- Я решил вернуться в Италию.

- Ты только недавно оттуда прилетел! А ты не забыл, что тебя пригласили с картинами на художественную выставку в Москву, в начале сентября? А мой юбилей?

- Я насовсем хочу уехать, Нелли.

- Вот те раз! Это неожиданный поворот. И что ты там будешь делать, на родине? Пить вино, обсуждать с соседом очередной футбольный матч и жирность домашнего сыра троюродной тёти Аннабеллы? А как же твой талант, Ренато или ты думаешь, что быстро сможешь найти достойную твоего таланта работу?

- Не знаю, но мне совсем некомфортно сейчас.

- Боже, какой же ты ещё ребёнок, мой тридцатипятилетний малыш, – она махнула рукой. – По итальянский меркам, тебе ещё даже рано жениться. Иди ко мне, я тебя пожалею, обниму. Хотя, чего тебя жалеть? По мне, то ты с жиру бесишься, – Нелли сменила тон и решила вести себя по-другому, иначе Ренато совсем расклеится.

- Можно мне кофе – попросил он, неожиданно прервав её тираду.

- Запросто, сейчас позову официанта. Может, хочешь чего-нибудь покрепче? Ужинать будешь? Бартоломео замариновал кролика, кстати, специально к твоему приезду. Я зна-

ла, что ты не откажешься от ужина со мной и заранее попросила его приготовить маринад. И между прочим кролик из Италии, коренной житель Пьемонта... Да ладно, я шучу, шучу! Но кролик действительно стоящий, я нашла новую кроличью ферму за городом...

- Чуть позже обязательно попробую. Я покурю?

- Зачем ты спрашиваешь? Слушай, мне тут Артур звонил, он просит приглашение на выставку, говорит, ты не отвечаешь на его звонки.

- Хорошо, – безразлично ответил Ренато.

- Ничего хорошего! Я тебе к тому говорю, чтобы ты не выставлял на ней картину с Альбиной, он же её сразу узнает! Даже если ты посередине холста напишешь огромными буквами «Ева» или «Ева в райском саду» – это всё равно будет Альбина. Лицо-то её и фигура, обнажённая грудь, и видимо даже каждая родинка на своём месте, ты же у нас запоминаешь всё до мелочей?! И пускай у вас там ничего с ней не случилось, и слава богу, но картину-то ты им другую написал и оставил.

- Да, эту я писал по памяти тут, дома, в студии. Ну и что?

- Здравсти, приехали! Как что? Артур мне сказал, что Альбина отказалась позировать голой. Я же видела фотографию картины, она там в бирюзовом брючном костюме, – Нелли положила руку на грудь. – Я верю, Ренато, раз ты сказал, что у вас ничего с ней не было, что она просто тебе позировала – значит так и было. Потом, возможно, ей не понравился на-

бросок или она застеснялась, но Артур не поймёт.

- Я понял, спасибо. Ладно, давай своего кролика, я кажется есть хочу, – скорее из чувства благодарности, нежели от внезапно возникшего чувства голода, Ренато согласился полноценно поужинать.

- Правда? Вот здорово! Уно моменто, сейчас всё будет, – хлопнула в ладоши Нелли и подозвала официанта.

Кролик действительно получился очень сочный, с приятной винной кислинкой; тушёный с луком, сельдереем и каперсами.

- Ну-с, что будем в качестве дижестива? – спросила Нелли, когда Ренато показал, что надеялся, погладив себя по животу круговыми движениями. – Ой, знаешь, у меня есть ликер сицилийский.

- Лимончелло?

- Нет, Мирто. Ну, тот который из ягод мирта, – хихикнула Нелли.

- Я как-то пробовал, но он очень крепкий...

- Зато прекрасно способствует пищеварению, мой родной, на то он и дижестив... А я вообще-то не просто так тебя пригласила, у меня к тебе предложение есть, точнее просьба.

Ренато посмотрел на неё слегка наклонив голову влево. Потом достал из пачки сигарету, прикурил и от души затянулся. Выпустив дым тонкой струйкой из лёгких, он посмотрел на Нелли в упор.

- Поехали ко мне, прямо сейчас, – сказал он тихо, но она

расслышала и покраснела как девочка. Это была такая объёмная фраза, внутри которой могла уместиться маленькая планета желаний: от банального – попить вина или сделать несколько красивых фото, до умопомрачительного секса и даже предложения остаться жить навсегда. Нелли кашлянула и сглотнув подступивший к горлу небольшой ком, решила всё-таки уточнить цель посещения квартиры Ренато:

- Прости за глупый вопрос, но что мы там будем делать?

- Всё, что ты захочешь, но я предлагаю попробовать быть вместе, – откровенно признался он.

- Ты час назад собирался вернуться в Италию... Навсегда!

– Нелли отпила немного ликёра, который успел принести официант, и облизнула нижнюю губу. – Радость моя, тебе всего лишь тридцать пять лет, а мне через неделю пятьдесят – чувствуешь разницу в возрасте?

- Я чувствую, что ты тоже этого хочешь. Может поэтому всё так сейчас... со мной... Эти женщины вокруг, они пустые, переспелые, выгоревшие, а ты живая...

- Ага, а Альбина? Неужели ты не взял у неё номер телефона или не оставил свою визитку, не написал ей парочку сообщений, не отправил смайликов? Как ты поздравил её на день рождения? Вот мне просто любопытно, чисто по-женски – она, значит, разделась, ты на неё посмотрел, потом всё, да? А дальше талант, гениальность и феноменальная память в помощь.

- Да, – без грамма иронии и совершенно серьёзно ответил

Ренато, и тут же добавил. – Она замужем, она другая. А ты свободная... Я позвонил на её день рождения Артуру и поздравил. Номера телефона нет, можешь проверить. Вот! – он протянул ей через стол свой мобильный.

- Не надо, я тебе верю, – Нелли замотала головой возмущённая собственным поведением. «Какое ей дело до того, с кем спит Ренато? Раньше её это забавляло, и слегка возбуждало – эти его рассказы о жарком сексе, о возжеленной цели заполучить очередную бабочку и получить от неё в ответ весь спектр положительных эмоции. А теперь что? Статус «разведена» стал первым шагом к зависти и ревности, автоматически включился режим поиска потенциального мужа? Вроде как ты замужем, штамп в паспорте, и не важно есть ли у вас с мужем общие интересы, есть ли о чём поговорить после работы, главное, чтобы был хороший секс. Вот тогда снова можно воспринимать Ренато, как друга, радоваться его победам на всех фронтах. Можно будет запросто шутить о сексе, о желание отдаться ему, просто любить его, как юного ангела, как дитя... Или действительно сдаться и поехать к нему, и пусть он покажет весь свой пылкий темперамент в постели, потом напоит её вином. Потом они снова займутся любовью, сольются в единое целое, в одну бескрайнюю вселенную?»

- Ты очень долго думаешь, – сказал Ренато, и вывел Нелли из внутреннего диалога с самой собой. – Что ты решила?

- А что ты хочешь услышать? Хотя, это глупый вопрос.

- Поехали ко мне, – снова повторил он.
- Так, всё, перестань, я же не железная!
- Нет, ты очень натуральная... Очень чистая. Какая разница кому сколько лет, Нелли? Всем плевать, все друг друга используют!
- Что-о? Ты о чём?
- Это не про нас с тобой, это так... вообще, – к Ренато вернулся его прежний облик типичного итальянца и он начал жестикулировать, как синхронист, описывая каждое слово.
- Хорошо, если ты опять не готова, я подожду ещё, только скажи сколько? – его рука зависла в воздухе в вопросительном жесте. – День, месяц, год, сто лет?
- Да я об этом даже не думала. Что ты пристал ко мне, как банный лист? Иди к чёрту!
- Ладно, о чём ты хотела поговорить? Предложить?
- Ох, с тобой можно с ума сойти, ей-богу!... Я хотела тебя развлечь и съездить вместе в Санкт-Петербург, там есть сад живых бабочек. Очень много видов, я заодно обновлю свою коллекцию. В этом мы с тобой всё ещё схожи – я до сих пор коллекционирую бабочек и ищу редкие экземпляры.
- Только мои живые, – добавил Ренато.
- Тут ключевое слово было «коллекционирую». На выходные сможем рвануть, пока погода ещё более менее тёплая?
- Да, с удовольствием.

Санкт-Петербург встретил их облачной, с переменным ветром, погодой. Синоптики обещали к полудню, что стол-

бик термометра поднимется до $+20^{\circ}\text{C}$, но пока что хотелось куда-нибудь спрятаться от ветра.

По дороге в гостиницу, названную в честь последнего романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», таксист, не останавливаясь, перечислял достопримечательности находящиеся поблизости отеля:

- А ещё, – продолжал он. – Я бы порекомендовал посетить: дом-пряник на Колокольной, памятник Чижику-Пыжику, Планетарий номер один, Гостиный двор, пройти по Невскому проспекту...

- Мы поняли, спасибо, – попыталась остановить его Нелли. – Я всё это уже видела, а вот мой гость, он итальянец и совершенно не понимает по-русски.

- Sì, sì, non capisco il russo, nemmeno una parola! – тут же поддержал свою подругу Ренато.

- Так бы сразу и сказали, – с обидой в голосе сказал таксист. – А что он там про пароль имел в виду?

- Это не пароль, а parola – слово. Мой гость сказал, что не понимает по-русски ни одного слова.

- Всё ясно тогда. Но если вам нужен будет гид...

- Мы обязательно к вам обратимся, спасибо большое!

Администратор гостиницы любезно согласилась заселить их чуть раньше положенного времени, но и до него ещё оставалось как минимум два часа.

- Вы поймите, у нас такие правила, – оправдывалась девушка на ресепшен. – Заселение не раньше двух, а выезд не

позже двенадцати дня. Вы можете оставить вещи тут, посидеть в холле. Может чай или кофе?

- Я здесь несколько ресторанов итальянской кухни нашла на Невском проспекте, вызовите нам такси, пожалуйста, – попросила Нелли.

- Вы в какой-то конкретный ресторан поедете или я могу что-то предложить на свой вкус?

- А вы итальянка? – тут же поинтересовался Ренато.

- Не-ет, – девушка расплылась в улыбке. – Но я очень люблю итальянскую кухню. У нас тут часто останавливаются иностранцы, и итальянцы в том числе. А так как у нас отель только с завтраком, то приходится быть в курсе всех ресторанов. До Невского проспекта двадцать минут пешком.

- Мы предпочитаем на такси. Вот этот ресторан, – Нелли показала девушке экран мобильного телефона со списком ресторанов и ткнула пальцем в самый первый.

- Хорошо, минуточку!

Ренато потерял всякий интерес к юной особе на ресепшен, приглядевшись и поняв, что у той явно были увеличены губы, и это его стало дико раздражать.

- Ваше такси подъехало, – сказала девушка. – Желаю приятного аппетита. Я позвоню, когда можно будет заехать в номера.

Уютный ресторан с гипсовым декором в античном стиле, только начал свою работу. В зале было тихо. Из панорамных окон открывался прекрасный вид на Невский проспект.

- Что желаете? – любезно спросил официант протягивая меню. – Завтрак – он у нас до двенадцати, или же закуски, салаты, паста, пицца, лазанья...

- Для начала кофе, – попросил Ренато. – А мы пока посмотрим.

- А я сырников хочу со сгущённой. Можно? И кофе конечно же!

- Сию минуточку, сейчас всё сделаем.

Ренато уже несколько раз перечитал меню, кое-где удивляясь, что это можно было отнести к итальянской кухне. Но и они не в Италии, поэтому гречневая каша, которую так любят русские, практически никто из итальянцев не ест.

- Ну что, ты выбрал? Давай омлетик какой-нибудь с чабаттой? – Нелли взяла чашечку и сделала глоток свежесваренного кофе. – Хм, не плохо.

В это время в зал вошли две девушки, одна из них сразу привлекла внимание Ренато и он уставился на неё в упор.

- О-о-о, кажется всё не так уж и запущено, да, мой золотой? Пошла реакция, жизнь продолжается?! Я даже знаю на какую бабочку эта красавица похожа! Эй, ты слышишь меня?

- Слышу. На какую?

Официант принёс пышущие жаром сырники и вопросительно посмотрел на Ренато. Тот ткнул в первое попавшееся блюдо и, захлопнув меню, попросил принести девушкам, за соседним столиком, самый свежий десерт за его счёт.

- Баскский чизкейк подойдёт? – без запинки в слове «баскский», выговорил официант.

- Это из итальянской кухни? Я не знаю такого региона в Италии!

- Это испанский десерт.

- А что у вас есть итальянского? – ревностно спросил Ренато.

- Тирамису и ромовая баба.

- Отлично, то, что самое свежее из них, то и принесите. Grazie, – поблагодарил он и снова посмотрел на приглянувшуюся ему девушку, которая, к счастью, села к нему лицо. Всего два столика отделяли их друг от друга, и она не могла не заметить пристального внимания Ренато. Её волосы, светло-русого цвета, были закручены в небрежный высокий пучок, цвет глаз разглядеть не удавалось, но по форме они были большие, и выразительные. Слегка припухлые губы и аккуратные щёчки, белоснежные зубы, которые обнажала широкая улыбка, дневной макияж – девушка явно за собой ухаживала и знала себе цену. Всё это не могло не вызывать «аппетит» на подсознательном уровне даже у такого искушённого эксперта по натуральной красоте как Ренато.

Нелли всего один раз глянула на девушку и тут же нашла фото удивительно красивой бабочки в интернете.

- Вот, взгляни! У них даже наряды одинаковые! Это idea leucophaea или большая лесная нимфа, ещё её называют «воздушный змей» или «свадебная бабочка» – выбирай сам! Она

летает как в замедленной съёмке, видишь? - Нелли открыла короткое видео. – Медленно взмахивает большими крыльями, они у неё, между прочим, почти пятнадцать сантиметром.

Ренато только кивал, бросая взгляды, то на экран, то на «нимфу» за соседним столиком. А Нелли вошла во вкус и продолжала расписывать красоту бабочки.

- Китайцы сравнивают её с летящей рисовой бумагой, разрисованной чёрными чернилами. Она такая же лёгкая, воздушная, крылья будто бы сотканы из полупрозрачной ткани, прорезанной чёрными жилками.

Официант принёс десерт девушкам и они обе посмотрели на него с удивлением. Тот показал рукой на Ренато.

- Buon appetito, signore! – сказал он им громко и поднял чашечку кофе.

- Спасибо! – выкрикнули они ему одновременно и тут же прыснули со смеху.

- Как ты думаешь, сколько ей лет? – спросил он серьёзно у Нелли.

- Двадцать пять, двадцать восемь, а может и все тридцать – так трудно сказать сразу. Со светловолосыми всегда сложнее угадать. Но у неё модельная внешность, ещё и умелым макияж – тут легко ошибиться, мой милый. Кстати, забыла добавить – эта бабочка ядовитая!

- Sono fortunato! – сказал Ренато.

- Ну да, ты счастливчик! – повторила за ним Нелли уже

на русском, снова почувствовав внутри как сжалось сердце. «И надо было лететь в Санкт-Петербург, чтобы вновь стать сводницей?! Чёрт дёрнул меня с этими сравнениями: бабочки, мотыльки, куколки – ругала она себя. – Так недалеко и до паранойи. Нет, всё, позвоню завтра бывшему мужу, скажу, чтобы прилетел, или вызвал меня в Монтепульчано!... Сколько у меня уже не было секса?... Может поэтому я так реагирую или это первые признаки климакса? Хотя нет, вроде бы месячные ещё идут, к тому же регулярно. Тьфу, тьфу, тьфу!» – она легонько постучала по столу в то самое время, как зазвенел её мобильный телефон. Звонила администратор гостиницы и приглашала заселиться.

- Хорошо, спасибо, – быстро ответила Нелли и посмотрела на Ренато. Тот ковырял вилкой сливочный сыр и паштет на поджаренном ломтике хлеба, который в Италии именуется как брускетта. – Ох, боюсь, после такой обильной еды, ты вряд ли сумеешь встать из-за стола. Смотри не переешь, радость моя. Это всё, что ты заказал? Может сырничек, они тут очень вкусные.

- Нет, – он бросил взгляд в сторону девушки, которая тоже уже несколько раз на него внимательно посмотрела. Заметно было, что ей любопытно и несомненно приятно его внимание. Она пару раз заправила за ухо непослушную прядь волос, выпавшую из пучка; потрогала маленькую серёжку; поправила длинные рукава платья, дёрнув их за манжеты.

Душа Ренато рвалась на волю, пульс участился. Сердце

увеличилось до размеров грудной клетки и вот-вот готово было выскочить, как на пружине из коробки-сюрприза. Ему хотелось совершить подвиг, заставить девушку обратить на себя внимание, купить ей все сладости мира, напоить самым бархатным вином. Подарить ей огромные крылья и улететь вместе куда она только пожелает...

- Так мы едем в гостиницу или может быть отсюда прямо на экскурсию в сад живых бабочек?... Ре-на-то? Я здесь!

- Я тоже... здесь, – он помассировал большим и указательным пальцем переносицу. – Подожди, я сейчас! – резко встав, он направился к столику за которым сидели девушки. Вернувшись спустя несколько минут и позвав официанта, он подмигнул Нелли.

- Что, уже успел взять телефончик или оставил ей визитку?

- Нет, пригласил на вечернюю прогулку.

- А номер телефона? А звать-то её как?

- Вита! Я оставил ей свой номер.

- А если она не придёт? Хотя-я, ты наплёл уже небось, что ты художник, и фотограф, и всё такое, да? Что у неё модельная внешность, уникальный типаж и прочие неповторимые достоинства...

- Она художница, – тихо сказал Ренато наклонившись чуть вперёд, чтобы Нелли его услышала.

- Да ну?! Вот свезло тебе, так свезло! И во сколько у вас свидание, и х-де?

- Возле этого ресторана в семь вечера.

- Поздравляю! Это всё? Мы можем идти?... Ты наелся, сыночек? – Нелли начала вести себя как типичная итальянская мама, ревностно относящаяся к любой потенциальной невесте сына – они все заранее ей не нравились.

- Вита, – повторил Ренато выходя из ресторана. – Вита – это на итальянском «жизнь»!

- Это скорее латинское имя, но суть не меняется. Жизнь, жизнь, что ты знаешь о жизни, моя радость? Жизнь – это геморрой, – бубнила себе под нос Нелли, но Ренато её прекрасно расслышал и тут же переспросил почему именно это заболевание?

- Да потому что человек сам себе его наживает, тратя силы впустую, стараясь всем помочь! Сердобольность – это у нас в крови, понимаешь?

- Я не знаю такого слова.

- Ну это что-то сродни эмпатии... М-да, иногда лучше не лезть, не вмешиваться в чужую жизнь и чужие дела, и не проявлять инициативу.

- Я не очень понимаю тебя.

- И не надо! Мы куда, в гостиницу или на хутор бабочек ловить, точнее в сад на бабочек смотреть? Слушай, что-то настроение у меня – напиться и забыться. Хотя, – она посмотрела на Ренато. – Вы, итальянцы, не умеете напиваться – это моветон. А я бы выпила, граммов двести водочки, да под селёдочку с чёрненьким хлебушком или салом, с зелё-

ным лучком, и под хорошую музыку. Ой, мне кажется или я превращаюсь в сварливую старушечку?...

- Ты наверное просто устала?

- Не знаю, – она огляделась по сторонам. – Мы в центре Питера, Ренато, посмотри! – Нелли покружилась на месте подняв вверх руки. – Плевать на всех и на всё, пошли погуляем ножками вдоль Невского проспекта! Ты десять лет живёшь в России, а до сих пор не видел Санкт-Петербург, это надо срочно исправить!

- Пошли, – он пожал от удивления плечами, потом повернул голову назад, в надежде, что Вита с подругой выйдут из ресторана. Как же ему повезло, что он согласился прилететь на выходные сюда и встретить такую красивую девушку, светлую бабочку, лесную нимфу, ещё и художницу...

Вита в тот вечер не пришла, и не позвонила, и даже не прислала сообщение. Расстроился ли Ренато, пришедший вовремя и ждавший её чуть больше получаса на холодном ветру. Хорошо, что он тепло оделся и обмотал несколько раз шею лёгким шарфом. Иначе всё – быть беде, – сквозняков итальянцы бояться больше всего на свете.

Разные вопросы крутились у него в голове, и ни на один он не мог найти внятного ответа. Впрочем, на что он рассчитывал: на лёгкую добычу, на легкомыслие девушки или на её любопытство?

Нелли позвонила ему без пятнадцати восемь и тихо спросила:

- Ну как, Ромео? Пришла твоя Джульетта, она же Вита?

- Нет.

- Тогда я тебя жду в ресторане русской кухни, тут недалеко, буду кормить тебя ужином. Секунду, сейчас пришлю координаты, ты дотопаешь сюда за пять минут.

Нелли внутренне ликовала, хоть и не подала виду. Она встретила Ренато с надутой нижней губой и нахмуренными бровями, а через секунду улыбнулась и тут же обняв его сказала:

- Если судьбе будет угодно, вы обязательно встретитесь.

Ты мне веришь?

- Верю, и в судьбу тоже верю.

- И потом, Ренато, ты же не любишь, когда всё быстро, всё просто и легко, не так ли? Ты водочки хочешь, для согрева? Она тут холодненькая, натуральная и закуски свежие.

- Холодная водка? Бр-р... Нет, спасибо. Вино буду, красное. Тут есть винная карта?

- Найдём тебе сейчас, не переживай. А пока попробуй грибочки маринованные со сметаной, и блины. Я тебе заказала блины с чёрной икрой, самой наивкуснейшей, как в Италии на Рождество, – Нелли поцеловать кончики собранных щепотью пальцев, а потом подняла руку, одновременно раскрывая ладонь – типичный итальянский жест означающий «великолепно».

- Икра? А-а-а! Caviale! – воскликнул Ренато. – Почему ты молчала, что тут есть икра?

- Прости, я забыла вывесить баннер на улице, под ресторанной вывеской, дорогой. Слушай, а мне нравится твоё на-строение, ты как будто бы ожил. А ну-ка повернись, я на спи-ну твою гляну!

- Per quello?

- Как зачем? У тебя кажется начинают расти крылья!

- Опять русский фольклор?

- Нет, обычная шутка. А фотоаппарат ты взял, чтобы Пе-тербург фотографировать?

- Да, я сделал много красивых фотографий, пока ждал, – он осекся на полуслове. – Я не взял номер телефона у Виты, как ты думаешь, она мне когда-нибудь позвонит?

- Опять двадцать пять! Я же тебе уже сказала – верь в судь-бу. У тебя выставка в сентябре. Точнее, не у тебя, но ты там тоже участвуешь...

- Выставка в Москве, а мы сейчас в Санкт-Петербурге. Это очень далеко!

- Ты сам сказал, что она художница. Шансов мало, но чем чёрт не шутит.

- Sei un genio, Нелли! – обрадовался Ренато. – Она может приехать на выставку!

- Да какой я гений, милый мой? Это ты у нас гений! Ешь давай, смотри какие блины тебе принесли. М-м-м... Ты толь-ко обещай мне, что завтра мы точно сходим с тобой в сад живых бабочек. А то с этими твоими знакомствами, – она тяжело вздохнула. – Настроение пропадает куда-то ходить.

- Завтра обязательно пойдём! А блины о-очень вкусные, и икра! А они продают тут икру? Я хочу купить!

- Для этого есть рыбные магазины, счастье моё. Ешь, не отвлекайся!

С приходом сентября резко похолодало. Ренато усиленно готовился к выставке, а Нелли к собственному юбилею. До дня рождения было почти три недели, но она хотела всё успеть, вернее – боялась не успеть. По приезду из Питера, Нелли от отчаяния или по глупости, или даже назло, приняла настойчивые ухаживания пожилого банкира. Тот был постоянным посетителем её ресторана, но на лето часто уезжал загород. И вот вернувшись к осени, он совершенно случайно узнал, что его дорогая Нелли, его тайная любовь уже в разводе. Теперь Бориса Евгеньевича было не остановить, и спустя две недели пылких ухаживаний, дорогих подарков и обещаний сделать её самой счастливой, Нелли сдалась. Конечно в постели его нельзя было сравнить с её бывшим мужем, но мужчина старался от души. Он покориł её сердце своим вниманием и заботой, бесконечными звонками за день, вечерними прогулками по огромному парку. Сплошная романтика, как в далёкой юности, когда не обращаешь внимание на погоду, а наоборот радуешься наступившей золотой осени. На выходные Борюсик, именно так теперь звала его Нелли, пригласил её к себе на дачу, и она согласилась. Он обещал ей тающий во рту шашлык, армянский коньяк, домашний уют у камина с томиком стихов Глеба Горбовского.

Ренато с головой ушёл в работу. Он по крупницам воссоздавал портрет Виты, постоянно дописывая какие-то детали. Закрывая глаза и вспоминая тот короткий момент их встречи, он отчётливо видел её прямо перед собой, на расстоянии вытянутой руки. Удивление, любопытство, живой блеск, и чистота серебряного ручья, перелив серого жемчуга и голубого турмалина – всё это было во взгляде Виты. «Взгляд, который исцеляет» – так Ренато назвал картину, где были изображены только серо-голубые глаза. Её глаза, её внутренний мир, её душа... Позже, к названию он дописал и имя девушки. Вита сумела вернуть его к жизни, и теперь он дышал полной грудью, жадно вдыхая кислород вперемешку с табачным дымом. В мастерской один за другим кропотливо рождались шедевры изобразительного искусства. До выставки в Москве оставалась всего неделя, но Ренато уже практически всё закончил, и был счастлив, но как-то по-особенному – всецело и безгранично. Три картины – триптих посвящённый Вите. На первой глаза смотрящие сквозь расступившиеся облака; на второй лицо с открытой улыбкой; и третья, где Вита, во всей своей красе, в полный рост. Девушка чем-то отдалённо напоминала ему Нелли, с которой они не виделись с того самого момента, как вернулись из Санкт-Петербурга. Возможно они обе были чем-то схожи, пусть и не внешне, потому что Вита была почти на голову выше, от этого казалась ещё стройнее, чем Нелли, да и разница в возрасте. Но Ренато чувствовал у обеих родство душ. Внутреннюю энергию, стержень характе-

ра, нестигаемость воли и умение любить жизнь такой, какая она есть. Даже если с Витой они больше никогда не увидятся, — думал он, — чувство, вызывающее волнительный полёт бабочек в животе, при воспоминании об их встрече, навсегда останется с ним. Ещё одна бабочка, ещё одна трансформация, адаптация и новая жизнь — очередное порхание между мирами. Как приятно ощущать себя в этой невесомости чувств, окруженным аурой светлой энергии.

Ренато спешил. Организаторы выставки под названием «Летнее волшебство» выделили ему место для экспозиции, где можно было разместить не больше десяти картин. Он хотел, чтобы триптих с Витой стал кульминацией открытия выставки, как момент зажигания огня на Олимпийских играх. Чтобы об этом заговорила Москва, как о самом ярком моменте, возможно тогда и Вита узнает... Узнает себя на картинах и позвонит.

Москва встретила Ренато многокилометровыми пробками и спешащими во все стороны людьми. Огромный муравейник современной жизни, мегаполис, где все торопятся жить, не успевая в полной мере ничем до конца насладиться.

Два выходных дня отведённые на выставку были распланы по часам. Как и просил Ренато, триптих с Витой повесили в центре его экспозиции, как иконостас, в юго-восточной части зала. Простая цветовая гамма новых картин, посвящённых Вите, имела какой-то колдовской эффект, своего рода месмеризм — животный магнетизм, гипноз. Портреты,

а в первой части только глаза, Ренато писал пастозно – густыми, хорошо заметными мазками, без подмалёвок – грубо говоря без подготовительных работ и импритуры – первоначального фонового цвета, который наносят на основу. Картины таким образом получились в два слоя: основной и лесированный в некоторых местах, чтобы акцентировать внимание на нужных деталях, немного «выдвинув» их вперёд. За счёт такой техники, картины получили объёмность изображения, как говорится всё гениальное просто.

С первых минут открытия выставки посетители надолго задерживались в той части зала, где выставлялся Ренато Рицци. Пошёл слух, что должна появиться и сама героиня, как это чаще всего бывало, и на фото и на художественных выставках, где он принимал участие. Какой-то одной модели, музе, уделялось особое внимание, и она блистала не только в экспозиции, но и в живую на публике.

К обеду подъехал Артур с Альбиной, с трудом растолкав любопытный народ, чтобы подойти поближе к Ренато. Тот был рад вновь встретиться с рыжеволосой красавицей, просто увидеть её, почувствовать рядом и понять, осталось ли между ними хоть что-то. Хотя бы одна бабочка. Девушка, как всегда, ослепила его своим солнечным блеском и внутренним сиянием. Но стоило только перевести взгляд на картину с Витой, как все лучи Альбины рассеивались и меркли.

- Хорошая, я бы даже сказал – блестящая, яркая работа, дружище!- с восхищением выговорил Артур обняв Ренато.

– Такой взгляд сложно не заметить, мы эти глазищи ещё издалека заприметили, и Аля сказала, что это точно твоих рук дело!

- Да-да, видна рука мастера! Беллиссимо, Ренато!

- Grazie, grazie... Спасибо большое, я тронут, и я очень рад вас видеть,- он посмотрел на Артура и тут же снова перевёл взгляд на Альбину. Надо ли было что-то говорить, когда в её глазах изумрудного цвета горел какой-то удивительно яркий огонёк. Девушка изредка поглаживала живот, и загадочно улыбалась.

- А мы к тебе с радостной новостью, – Артур слегка наклонился и закрыл своей пятернёй ладонь Альбины, когда она вновь прикоснулась к животу. – Видишь, материнский инстинкт проснулся, ещё ничего не видно, а в этой толпе страх за будущего малыша уже присутствует.

- Дети! У вас будут дети? – радостно произнёс Ренато.

- Пока что один ребёнок, но мы не будем на этом останавливаться, – ответила Альбина. – Мы ещё никому не сказали даже, ты первый кто узнал эту новость.

- Но я ничего не вижу? – Ренато развёл руки в стороны.

- Просто срок всего двенадцать недель – ещё рано.

- Поздравляю, это очень хорошая новость!

- Спасибо! Это мы так удачно отдохнули в июне, за городом – вот тебе и свежий воздух, и экологически чистые продукты, – засмеялся Артур. - Ладно, мы пойдём, тут слишком много народа, а ты это, в гости давай к нам вечером сего-

дня! Шашлычок, вино, домино...

- Спасибо, но я не могу.

- Ну, ты имей в виду, что мы всегда тебе рады!

- Доброго дня и хорошего настроения! – пожелала Альбина, и они ушли, оставив Ренато в некой прострации, лёгком шоке. Он сразу вспомнил первый вечер в их доме, когда они уже успели выпить достаточно, чтобы начать душевные беседы. Тогда Артур признался, что очень хочет детей от Альбины, но у них какая-то редкая несовместимость, вот только какая именно, Ренато так и не понял. А тут видимо всё совпало, сошлось, сложилось... Что ж, он был искренне рад, что с Альбиной у них так ничего и не вышло. Возможно причиной того, что с Артуром у неё не получалось зачать ребёнка, был некий комплекс? А Ренато примерил к ней сразу три образа: порхающей цетозии библис, богини Венеры и Евы, о чём шептал нежно ушко, и в Альбине проснулась настоящая женщина. Правда больше он себе такой слабости не позволит, и замужняя женщина отныне – табу.

- Какие люди и без охраны! – раздалось прямо над ухом и Ренато вздрогнул от неожиданности. Перед ним стояла Лина во всей своей красе, гордая и неприступная, как королева амазонок. – У тебя новая муза?

- У меня новая жизнь! Привет, – он поцеловал её в щёку вдохнув знакомый аромат духов.

- Ты что, решил жениться? – Лина продолжала крутить головой ища где-то поблизости девушку с триптиха. Осталь-

ные картины были ей знакомы, Ренато не так часто брался за кисти, всё больше фотографировал.

- Может и женюсь... А ты решила остаться в Москве?

- Как видишь, милый, – и Лина начала загибать красивые пальчики, перечисляя все свои достижения в столице за лето. Это в основном была реклама бижутерии и недорогой косметики. – В общем без работы я не останусь, – добавила она. – Сейчас налаживаю контакты по своей профессии, и может быть, даже уже к зиме, открою своё агентство.

- Да-да, я помню, ты ивент-менеджер, – сказал Ренато теряя всякий интерес к общению. Он не ощущал ничего, что могло бы наполнить его прежними чувствами к Лине, и когда к ней подошёл высокий красивый юноша, все пазлы сложились. Ренато не надо было ничего объяснять, он сразу заметил, что она влюблена в молодого человека, и он желал, чтобы это было взаимно. Больше его ничего не интересовало и их непродолжительный диалог закончился обоюдными пожеланиями доброго дня и всего самого наилучшего.

- Нелли передавай привет! – сказала напоследок Лина.

- Спасибо, передам! – помахал ей вслед Ренато и подумал о своей доброй давнишней подруге. Вот, кто постоянно вызывает в нём душевный трепет и тепло, но смесь спорных чувств мешает дать точное определение тому, что он испытывает к Нелли. Особенно, когда она рядом с ним, обнимает и гладит по голове, улыбается или наоборот сердится, и даже ругается. А когда в её серых глазах сгущаются тучи

цвета питерского неба, невозможно разгадать, что творится там, за ними, в выси и глубине души... Вспомнив про Санкт-Петербург, мысли Ренато плавно закружились вокруг Виты, она представилась ему в образе Мадонны. Как на одной из знаменитых картин Рафаэля «Мадонна с гвоздиками». Умилительная сцена, где Дева Мария с младенцем Иисусом держат в руках по несколько цветков. Почему именно эта, из более сорока картин любимого художника, с Мадонной и малышом, всплыла в памяти Ренато, он не знал. Божественный образ рассеялся, и на смену ему пришли «Три грации», всё того же Рафаэля Санти, и каждая с лицом Виты, в фас и профиль. В пятнадцатом веке флорентийские философы-гуманисты олицетворяли их с тремя фазами любви: целомудрие, красота, любовь. Красота, вызывающая желание, которое приводит к удовлетворению. Но Ренато не устраивал и этот образ Виты, мозг усиленно работал в поиске подходящего изображения, облика, типажа. И вот оно, новое щекотание в области живота, разрыв коконов и молниеносное рождение бабочек. Они несли на своих крылышках мыслеобраз Аниты Экберг, и для Ренато эта шведская актриса и фото-модель была эталоном нордической красоты, и оставалась по сей день. Он запомнил её не только по блистательным ролям в фильмах Федерико Феллини, особенно в роли Сильвии в «Сладкой жизни». Больше всего ему нравилось, как она сыграла Зинобию, королеву Пальмиры, в фильме «Под знаком Рима». Да, Вита была её точной копией именно в те свои го-

ды, в возрасте около тридцати лет.

- Бинго! – воскликнул Ренато. – Вот то, что мне нужно!
Вита – королева Пальмиры...

Второй день выставки начался с ещё большего ажиотажа вокруг триптиха. «Вита. Взгляд, который исцеляет» действительно стал кульминацией, но не только экспозиции Ренато Рицци, а всех картин в галерее.

Вита стояла напротив своего изображение и переводила взгляд с одной картины на другую. Вокруг неё толпились журналисты и художники, любители живописи и просто любопытные посетители. Она ни на кого не обращала внимания, пока к ней не подошёл Ренато. Он почти не спал всю ночь, сначала пересматривал фильм «Под знаком Рима», потом делал наброски простым карандашом, изображая Виту в образе королевы Зиновии. А Вита ни сном ни духом о выставке и своих портретах не знала, пока ей не позвонила подруга из Москвы со словами: «Срочно приезжай, тут такое! Твои портреты на выставке современного искусства! Ты сногсшибательна, Виточка, и должна это увидеть своими глазами; фото и адрес сейчас пришлю!»

- Привет, – спокойно сказал Ренато, как будто они были знакомы как минимум лет сто. – Я ждал тебя.

- Привет, – голос Виты слегка дрожал, от необъяснимого душевного трепета. Её было трудно удивить или впечатлить, но тут, глядя на себя со стороны, вглядываясь в собственные глаза... Это нельзя было назвать одним словом, подобрать

эпитеты и дать определение всем оттенкам чувств внутри. Волнение, смятение, пульсация, оторопь, благоговение, возбуждение, фриссон, и всё это в гуле голосов вокруг.

- Пойдём отсюда, – Ренато взял её за руку и потянул за собой, расталкивая всех и протискиваясь сквозь толпу. Когда им наконец удалось выйти на свежий воздух, оба громко рассмеялись.

- Ой, кажется нас сейчас догонят!- крикнул Ренато и снова потянул Виту, теперь уже к такси. – Садись, покатаемся немного, пока эти журналисты нас не догнали!- он открыл дверцу машины и она с лёгкостью уселась на заднее сидение, втянувшись в это приключение, больше похожее на побег.

Конечно Вита уже успела узнать о Ренато Рицци всё, что смогла найти в интернете. У неё была целая ночь на это, потому что после звонка московской подруги она тут же вспомнила настойчивого художника из итальянского ресторана. Она не поверила ему тогда, слишком уж всё было молниеносно и чересчур заманчиво. Ренато попросил о свидании и небольшой фотосессии на Невском проспекте или же где она сама захочет. Любая другая, включая её тогдашнюю подругу рядом, могли на это клюнуть, но только не Вита. Жизненный опыт и профессия фотокорреспондента научили её не доверять никому, даже если человек говорил правду. Вот только сейчас, рядом с Ренато, она чувствовала себя вполне комфортно, если можно было назвать происходящее именно этим словом. Но что-то было в нём притягательное, застав-

ляющее забыть о многих принципах и просто следовать за ним, подчиняться. Ни один из мужчин до этого не имел такой власти над Витой и это был ещё одно необычное ощущение для неё, новый вкус. Как внезапно найденная новая функция давно используемого фотоаппарата, вдруг раз и открылась.

Таксист, проехав одному только ему известной дорогой, выехал на Киевское шоссе, на первой же развязке свернул и выехал в противоположном направлении. Минут через десять он въехал на парковку торгового центра, где на первом этаже располагался уютный ресторан – траттория. Ренато просил найти какой-нибудь итальянский ресторан и этот оказался ближайшим от галереи, где проходила выставка его работа.

- От галереи «Вдохновения» к траттории «Весна», – сказал он глядя на вывеску. – Почему нельзя было назвать на итальянском «Primavera»? Я никогда не пойму логику загадочной русской души, – добавил Ренато и посмотрел наконец на Виту. Всю дорогу они изредка переглядывались, но оба молчали. Каждый думал о своём, но не решался произнести ни слова. Странное состояние, больше похожее на игру воображения, иллюзию зазеркалья или попадания в мир кино. Шаг, и ты уже по другую сторону экрана, где сам тут же становишься главным героем фильма.

Уютная атмосфера загородного семейного ресторана рассеяла немного это состояние и Ренато решил заговорить

первым, предложив Вите присесть:

- Вы есть будете? – он снова перешёл на «вы». Я очень голодный, ещё и всю ночь не спал.

- Давайте посмотрим меню, – спокойно ответила девушка.

- Рекомендую брускетту с подкопчённым лососем или с гусиным паштетом и зеленью, салат с тунцом, карпаччо из томатов с сыром «Шевр», – сказал официант и продолжил. – На первое грибной крем-суп, на второе котлеты из щуки и фокаччу с розмарином и оливковым маслом, а на десерт фисташковый торт или профитроли.

- А можно мне индейку по-милански и запечённые овощи? – попросила Вита. – И минеральную воду без газов.

- А я попробую ваши котлеты из щуки, и карпаччо. Десерт мы позже закажем. Спасибо! – Ну что, давайте знакомиться ещё раз?! Я Ренато Рицци, художник и фотограф из Италии, город Урбино, – он встал и обойдя стол подошёл, чтобы протянуть девушке руку.

- Очень приятно. Я Вита, пока просто Вита, – она протянула руку в ответ и Ренато её тут же поцеловал, при этом не сводя с девушки глаз.

- Вы сделали мне сегодня большой подарок, как я могу вас отблагодарить?

- Я? Подарок? Вы действительно интересный человек, Ренато... Кстати, а где вы взяли мою фотографию, чтобы написать портрет?

- Вот здесь, – он постучал указательным пальцем по виску.

– Ваш портрет остался у меня в голове, после нашей первой встречи.

- У вас феноменальная память... и прекрасный русский, хоть и с акцентом.

- Спасибо. Знаете, мне впервые не хочется говорить женщине комплименты.

У Виты от неожиданных слов чуть не выпал стакан с водой из рук. Она уже приготовилась слушать нескончаемый поток комплиментов в свой адрес, а тут нате вам – нетипичный случай.

- Просто я не смогу подобрать таких слов, даже на итальянском, простите, – выждав немного, сказал наконец Ренато. – Всё, что я видел и чувствовал, мне удалось, я так думаю, перенести на холст. Но сегодня вы ещё прекраснее и мой талант тут уже бессилён. Можно я буду просто на вас смотреть и любоваться совершенством красоты.

- Будете смотреть как я ем?

- Всё что угодно делайте, но будьте самой собой. Вы же художница и знаете сами, что картина получается мёртвой, когда человек неискренен, – Ренато с трудом удалось выговорить последнее слово. Только с третьей попытки, повторяя за Витой по слогам, он смог это сказать. Опять же, это было сделано умышленно и снова в точку, чтобы снять напряжение. Девушка начала улыбаться, и постепенно разговорилась, и призналась, что она фотожурналист. В статусе «свободного агента» трудить сразу на несколько агентств, в зависимости

от того, где больше платят. Общие темы нашлись тут же. Ренато заговорил о качественной фотоаппаратуре, плавно перешёл к самой фотографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.